МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Факультет: Историко-филологический

Кафедра: «Русский язык и методика преподавания русского языка»

Направление подготовки: 44.03.05 Педагогическое образование

Профиль: «Русский язык. Литература»

Форма обучения – очная

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему:

«Функционирование прецедентных имён собственных в произведениях В. С. Токаревой»

Студент _____ (подпись) Колганова Валерия Михайловна (ФИО полностью)

Руководитель _____ (подпись) Болотская М. П. (фамилия, инициалы)

Нормоконтролёр _____ (подпись) Луннова М. Г. (фамилия, инициалы)

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от _____ № ____)

Заведующий кафедрой _____ (подпись) Канакина Г. И. (фамилия, инициалы)

Работа защищена с отметкой (протокол заседания ГЭК от _____ № ____)

Секретарь ГЭК _____ (подпись) Алешина И. А. (фамилия, роспись)

Пенза 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……3

Глава I. Прецедентное имя собственное в системе прецедентных феноменов……....….6

1. 1. Прецедентные феномены как часть когнитивной базы человека.....6

1. 2. Теория прецедентности. Прецедентные феномены.....9

1. 3. Прецедентные имена собственные.....16

Выводы по первой главе.....29

Глава II. Анализ особенностей прецедентных имён собственных в текстах В. С. Токаревой.....31

2. 1. Классификация прецедентных имён собственных, функционирующих в произведениях В. С. Токаревой.....31

2. 2. Анализ особенностей функционирования прецедентных имён собственных в произведениях В. С. Токаревой.....37

2. 3. Система упражнений по теме «Прецедентные имена собственные в художественных текстах» (на материале произведений В. Токаревой) в элективном курсе «Филологический анализ художественного текста».....54

Выводы по второй главе.....62

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....65

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....68

ПРИЛОЖЕНИЕ. Контексты из произведений В. С. Токаревой, содержащие прецедентные имена собственные.....72

Введение

В настоящее время интерес исследователей направлен к языку, отражающему развитие того или иного национально-лингвокультурного сообщества. Современные лингвисты уделяют особое внимание изучению таких языковых единиц, которые способны накапливать информацию, заключать в себе аксиологическую нагрузку, отражать как национальные, так и универсальные особенности.

В отечественной лингвистике становится все более актуальным понятие языковая личность, благодаря которому активизируются исследования когнитивной базы личности и ментефактов, то есть входящих в нее единиц языка. Исследователи В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева, И. В. Захаренко, Ю. Н. Караулов, Л. И. Гришаева, М. Я. Дымарский, Д. И. Ермолович, С. Д. Кацнельсон, Е. А. Нахимова, Е. О. Наумова, Г. Г. Сергеева, Г. Г. Слышкин, В. И. Супрун, А. В. Суперанская, О. И. Фонякова, А. Д. Шмелев, Е. С. Отин и др. проявляли большой интерес в своих трудах к такому типу ментефактов как прецедентные феномены.

Теория прецедентности как самостоятельное исследовательское учение в рамках лингвистики считается теорией XXI века. В настоящее время прецедентные феномены представляют собой обширную, однако малоизученную область исследования.

Изучая прецедентные имена собственные на языковом и когнитивном уровне, современные исследователи рассматривают имена, ограничиваясь в основном одним дискурсом их функционирования (СМИ, политический, рекламный и т.п.). **Актуальность** данной темы определена недостаточностью изучения функционирования прецедентных феноменов – прецедентных имён собственных в художественных текстах. Специфика исследования данных языковых единиц определяется их сложными

ассоциативными связями, которые обеспечивают интертекстуальность и прецедентность.

Объект исследования – понятие прецедентности, прецедентные имена собственные.

Предмет исследования – прецедентные имена собственные, функционирующие в произведениях В. С. Токаревой.

Цель исследования – анализ особенностей функционирования прецедентных имён в художественном тексте.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

– определить теоретическую базу исследования, раскрывающую суть понятий «прецедетность», «прецедентные феномены»;

– рассмотреть особенности понятия «прецедентное имя собственное»;

– выделить прецедентные имена собственные в текстах произведений В. С. Токаревой;

– выявить семантическую структуру и функции прецедентных имён собственных в рассказах и повестях В. С. Токаревой;

– классифицировать выделенные прецедентные имена собственные;

– проанализировать особенности использования прецедентных имён собственных в текстах художественных произведений В. С. Токаревой.

Материалом исследования являются прецедентные имена собственные в произведениях В. С. Токаревой. В данной работе проанализировано 78 прецедентных имён собственных (150 словоупотреблений).

Научная новизна работы заключается в особенностях анализа функционирования прецедентных имён собственных в тексте художественного произведения: рассмотрение семантики прецедентных единиц, особенностей их функционирования с линвокультурологической точки зрения.

В ходе изучения данной темы использовались следующие **методы**:

– метод филологического анализа текста;

– метод сплошной выборки (отбор языковых единиц, позволяющих выразить образ автора);

– метод дескриптивной лингвистики (описательный метод (непосредственное наблюдение над употреблением автором языковых единиц));

– статистический метод (устанавливалось число выявленных фактов, их значимость, количество словоупотреблений отобранных языковых единиц)

Ведущим методом является метод филологического анализа текста.

Теоретическая значимость определяется тем, что данное исследование вносит вклад в изучение прецедентных феноменов, так как отражает специфику функционирования прецедентных имён собственных в художественных текстах.

Практическая значимость работы заключается в использовании данного материала учителями на уроках русского языка и литературы, элективных курсах и семинарах, внеклассных занятиях, посвященных лингвокультурологии.

Апробация работы. Материалы исследования отражены в публикациях «Особенности функционирования прецедентных имён собственных В. С. Токаревой» в сборнике научных статей III Международной научно-практической конференции «Языковая политика и вопросы гуманитарного образования» (Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: сб. науч. ст. III Междунар. научн.-практ. конф. (г. Пенза, 25-27 октября 2018 г.) / под ред. канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной, канд. филол. наук, доц. М. Г. Лунновой. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2018. – С. 206-209.) и «Особенности функционирования женских прецедентных имён собственных в произведениях В. Токаревой» в сборнике научно-практической конференции с международным участием «Буслаевские чтения» (Буслаевские чтения : сб. науч. ст. по материалам VII

Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Пенза, 17 апреля 2019 г.) / под общ. ред. Л. П. Перепелкиной. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2019. – С. 285-289.)

Глава I. Прецедентное имя собственное в системе прецедентных феноменов

1. 1. Прецедентные феномены как часть когнитивной базы человека

Проблема взаимодействия языка и культуры волновала исследователей со времен Вильгельма фон Гумбольдта. Э. Сепир, родоначальник теории «лингвистической относительности», указывал, что «…язык не существует …вне культуры, т. е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [Сепир 1993: 185]. Современную лингвистику практически невозможно представить без исследований, которые касаются взаимодействия языка и культуры.

В настоящее время эта проблема исследуется в рамках такой науки, как лингвокультурология. Одно из самых полнозначных определений этой науки, на наш взгляд, предлагают Е. Е. Юрков и Е. И. Зиновьева: «…теоретическая филологическая наука, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка» [Зиновьева 2006: 15]. Современные лингвистические концепции исходят из того, что всестороннее изучение языковой системы невозможно без рассмотрения ее связей: с определенной культурой и с сознанием носителя языка, с помощью которого интерпретируются факты окружающего мира. При описании взаимосвязи языка и культуры возможно выделение

определенной системы мышления, структуры, которая участвует в формировании данного взаимодействия.

Изучая языковое сознание, некоторые отечественные лингвисты выделяют так называемые культурные пространства. Под культурным пространством мы понимаем особую форму существования культуры в человеческом сознании. Феномены культуры при восприятии их человеком отражаются в его сознании и представляют собой некие системные отношения отражаемых феноменов.

Исследователь Б. С. Яковлева, изучая пространство в языковой картине мира говорит о том, что «не существует такого пространства, которое было бы независимо от вещей» [Яковлева 2006: 38]. Это справедливо и по отношению к культурному пространству, т. к. в данном случае «вещами», задающими и формирующими его, выступают представления феноменах культуры, существующие в сознании. Все представления не являются равноценными, так как само культурное пространство неоднородное.

Культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов некоторого лингвокультурного сообщества. При этом каждый человек обладает особой, определенным образом структурированной совокупностью знаний и представлений, которая называется индивидуальным когнитивным пространством. Определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингвокультурного сообщества, определяется как когнитивная база.

По мнению представителей школы «Текст и коммуникация» (В. В. Красных, Д. В. Багаевой, Д. Б. Гудкова и др.) индивидуальное когнитивное пространство включает в себя:

1) коллективное познаваемое пространство, т. е. «совокупность знаний и представлений, которыми обладают представители социума» [Гудков 2000: 42];

2) когнитивная база «того национально-лингвокультурного сообщества, членом которого он является» [Красных 2002: 23].

Познаваемые структуры, на основе которых формируются данные пространства, делятся на следующие группы:

1) лингвистические, к ним относят те структуры, «которые лежат в основе языковой компетенции и формируют совокупность знаний и представлений о законах языка, о его синтаксическом строении, лексическом запасе, фонетико-фонологическом строе, о законах функционирования его единиц и построения речи на данном языке» [Багаева 1997: 62];

2) феноменологические, которые включают в себя «совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической и собственно лингвистической природы, т.е. об исторических событиях, реальных личностях, произведениях искусства, в том числе и литературных и т.д.» [Багаева 1997: 62].

Когнитивную базу необходимо отличать от культурного пространства. Её наполнение отличается от наполнения культурного пространства: первую формируют не столько представления как таковые, сколько инварианты представлений (существующих и возможных) о тех или иных феноменах, которые хранятся там в минимальном виде. Когнитивная база меньше подвержена изменениям и считается более устойчивой. Индивидуальные представления могут оказывать влияние на границы культурного пространства и на переструктурацию внутри него. Именно владение знаниями и представлениями, входящими в когнитивную базу человека и имеющими инвариантный характер, позволяют индивиду ориентироваться в пространстве соответствующей культуры и действовать по ее законам. Основными составляющими когнитивной базы являются не только личные знания и представления человека о «культурных предметах», но национально-детерминированные инварианты восприятия последних. При вхождении в когнитивную базу тот или иной «культурный предмет» подвергается существенной редукции, при которой из всего многообразия

присущих ему признаков вычленяется лишь ограниченный набор последних [Гудков 2000: 47].

Таким образом, каждый человек обладает своим индивидуальным культурным пространством и когнитивной базой того лингвокультурного сообщества, членом которого он является. Исходя их вышесказанного, можно сделать вывод о том, что языковое сознание не ограничено семантическими образованиями, а выстраивается также и другими «элементами» сознания. Это позволяет включить в круг внимания нашего исследования прецедентные феномены, которые, с одной стороны, являются основными составляющими когнитивной базы, но, с другой стороны, отражаются в языковых единицах. Вышесказанное дает нам возможность исследовать прецедентные феномены, опираясь на рассмотрение семантики соответствующих языковых возможностей.

1. 2. Теория прецедентности. Прецедентные феномены

Прецедентные имена представляют собой обширную и малоизученную область исследования. Теория прецедентности как самостоятельное исследовательское учение в рамках лингвистики считается теорией XXI века. Первые публикации лингвистов появились в конце 90-х XX века, но основной своей частью в начале XXI века.

В русской лингвистике первым о прецедентности заговорил Ю. Н. Караулов в своей теории языковой личности. Согласно этому учению, возможно выделение трех уровней:

1) вербально-семантического, предполагающего для носителя языка естественное владение языком;

2) когнитивного, который предполагает расширение значения и переход к знаниям, следовательно, охватывая интеллектуальную сферу личности;

3) прагматического, который обеспечивает закономерный переход к осмыслению реальной деятельности в мире. По мнению Ю. Н. Караулова,

уровень проявляется «в коммуникативно-деятельностных потребностях личности».

Система каждого уровня состоит из трех частей: единиц, отношений между ними и их стереотипных объединений [Караулов 1987: 52]. Стереотипы, оказавшиеся на третьем уровне, он назвал прецедентными текстами. Таким образом, он открыл науке новое понятие. По определению лингвиста, к прецедентным текстам относятся тексты:

1) значимые для той или иной личности в когнитивном и эмоциональном отношении;

2) хорошо известные окружению личности, включая ее предшественников и современников;

3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [Караулов 1987: 216].

Важно отметить, что Ю. Н. Караулов выпускает работу, где впервые фигурирует термин «прецедентный текст». Сейчас это один из часто употребляемых терминов в науках. За понятием «прецедентный текст» возникают такие понятия как прецедентного высказывания (Бурвикова 1994), текстовой реминисценции (Супрун 1995), прецедентного феномена и прецедентной ситуации (Красных и др. 1997), прецедентного имени (Гудков 1998), концепта прецедентного текста (Слышкин 2001), логоэпистемы (Костомаров 2001), прецедентного культурного знака (Пикулева 2002) и т. п. Однако данный феномен так и не получил одного точного определения в связи со сложностью понятия прецедентности.

Данная теория получила развитие в работах Д. В. Багаевой, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова и других исследователей. Лингвисты определяют прецедентные феномены с позиции лингвокогнитивного подхода. Прецедентные феномены, по их мнению, ядерные (основные) элементы когнитивной базы, являющиеся определенной структурой знаний и представлений, которой обладают члены любого лингвокультурного сообщества [Гудков 1998: 83].

В. В. Красных, конкретизируя определение, данное Ю. Н. Карауловым, к прецедентным феноменам относит:

«1) известные всем представителям национально-лингвокультурного;

2) актуальные в когнитивном плане;

3) обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей любого национально-лингвокультурного сообщества» [Красных 2003: 170].

По мнению вышеуказанных лингвистов, за прецедентным феноменом стоит специальный инвариант его восприятия, делающий все обращения к прецедентному феномену понятными.

Исследователями были выделены типы прецедентных феноменов:

1) прецедентный текст – результат речемыслительной деятельности. Это сложный знак, (поли)предикативная единица, значения компонентов которого не равны его смыслу. Прецедентный текст знаком каждому индивиду национально-лингвокультурного сообщества. К прецедентным текстам принадлежат:

а) произведения художественной литературы (например, стихи поэтов, романы «Анна Каренина», «Евгений Онегин» и другие);

б) политические и публицистические тексты, тексты песен, рекламы и т.п.;

2) прецедентная ситуация – «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных смыслов, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу индивида. Родоначальниками прецедентной ситуации могут быть прецедентное имя или прецедентное высказывание (например, Смутное время, семибоярщина и т. п.) или не прецедентный феномен (например, изгнание, одиночество – как атрибуты одной ситуации);

3) прецедентное высказывание – результат речемыслительной деятельности, воспроизводимый индивидом в процессе коммуникации. Прецедентное высказывание – законченная единица, которая может как предикативной, так и непредикативной. В когнитивную базу индивида

входит не только само прецедентное высказывание, но и сумма его значений, т. е. смыслов. К прецедентным высказываниям относятся цитаты из текстов разнопланового характера (например, Кто виноват? и Что делать?), а также пословицы и поговорки (например, Не буди лихо, пока оно тихо).

4) прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное с прецедентной ситуацией или с широко известным текстом. Это особый сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется обращение не к собственно обозначаемому предмету, а к набору его дифференциальных признаков [Красных 2003: 208-210].

В данной работе мы придерживаемся лингвокогнитивного подхода к пониманию прецедентных феноменов (Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных).

Лингвисты Д. Б. Гудков, Ю. А. Сорокин, В. В. Красных выделяют признаки прецедентных феноменов:

1) за каждым прецедентным феноменом стоит определенный факт в широком понимании этого слова;

2) данный факт выступает как эталонный для множества сходных по структуре фактов;

3) этот факт отмечен для членов определенного лингвокультурного сообщества;

4) за любым прецедентным феноменом стоит образ-представление, который включает в себя определенные признаки самого феномена и входит в когнитивную базу любого лингвокультурного сообщества;

5) комплекс прецедентных феноменов закрепляет ценностные установки лингвокультурного сообщества;

6) клишированность прецедентных феноменов;

7) прецедент всегда «персонифицирован» и обладает собственным значением [Гудков 1999: 58].

По мнению вышеуказанных исследователей, прецедентные феномены могут быть вербальными (тексты) и невербальными (скульптуры,

произведения живописи и т.п.). Среди вербальных выделяют собственно вербальные (прецедентное имя и прецедентное высказывание) и вербализуемые (прецедентная ситуация и прецедентный текст). Первые хранятся как лингвистические и феноменологические структуры. Вторые содержатся только как феноменологические структуры и принадлежат тексту.

Ю. Е. Прохоров и И. В. Захаренко рассматривают прецедентность в узком и широком понимании. В узкой направленности прецедентные феномены представляют собой особую группу прецедентов, которые «оказываются связанными с коллективными инвариантными представлениями конкретных «культурных предметов». При понимании в широком смысле, необходимо рассматривать прецедентные феномены как «образцовые факты, служащие моделью для воспроизводства сходных фактов, представленных в речи определенными вербальными сигналами, актуализирующими стандартное содержание, которое не создается заново, но воспроизводится». В состав прецедентов входят языковые стереотипы, клише, штампы и прочие [Прохоров 2006: 150].

Таким образом, следует отметить, что основным отличием прецедентных феноменов от других явлений (клише, штампов) является их соотнесенность с конкретными явлениями культуры. В данной научно-исследовательской работе мы придерживаемся узкого подхода к понимаю прецедентных феноменов.

Стоит остановиться на таком понятие как «текстовые реминисценции», разработанном А. Е. Супрун. С точки зрения функционального подхода, под «текстовыми реминисценциями» автор подразумевает «отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [Супрун 1995: 17]. Текстовые реминисценции представляют собой языковые единицы, однако отличаются от обычных воспроизводимостью плана содержания. Воспроизводимость может осуществляться не всегда, так как текстовые реминисценции не имеют

строго установленной формы. Исследователь относит к числу текстовых реминисценций ссылки на любые ранее созданные тексты:

1) ссылки на предшествующий текст (например, акт), который не является прецедентным (с точки зрения концепции Д. Б. Гудкова и других);

2) названия, цитаты, которые не могут быть признаны прецедентными (согласно той же концепции);

3) индивидуальные неологизмы;

4) цитаты, имена, названия, используемые для обозначения «денотата»;

5) прецедентные феномены: прецедентные имена и тексты.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что текстовые реминисценции можно рассматривать как прецедентные феномены в широком понимании по И. В. Захаренко. Прецедентные феномены отличаются от текстовых реминисценций, по мнению В. В. Красных, главным образом присутствием ссылок на авторство: «Текстовые реминисценции, как правило, сопровождаются упоминанием источника или автора (как говорил..., как сказано в...); прецедентные же феномены, как правило, подобными ссылками не сопровождаются» [Красных 1997: 11].

Рассматривая прецедентные феномены с точки зрения лингвокультурологического подхода, они, как единицы культурного знания, отсылают к текстам, имеющим историко-культурную ценность (Гончарова 2006: 89). Прецедентные феномены проникают в историческую память этноса или социума: «Знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре» [Караулов 1997: 216].

Однако не все лингвисты разделяют такой подход к изучению феномена прецедентности. Так, например, исследователь Е. О. Наумова, рассматривая историю развития терминологии в области прецедентности отмечает, что в лингвисты Д. Б. Гудкова и В. В. Красных рассматривают термин «текст» лишь в одном аспекте – в лингвистическом [Наумова 2007: 15]. Принимая во внимание, само понимание термина «текст» в том смысле,

в котором его представлял Ю. Н. Караулов, проявляются несоответствия: лингвист рассматривал термин в семиологическом смысле. Таким образом, под прецедентным текстом имелось ввиду значимое явление любой национальной культуры, известное абсолютному большинству ее носителей и отсылки, которые легко дешифруются адресатом речи. Филолог М. Я. Дымарский утверждает, что при таком понимании прецедентных текстов «…понятие прецедентности и прецедентных феноменов разрастаются до пределов языка и культуры в целом» [Дымарский 2004: 52]. Таким образом, получается, что все, что бы ни создал человек, представляет собой использование прецедентных феноменов. Исходя из вышесказанного, можно сказать следущее: в настоящее время в лингвистике не существует четких границ в понимании прецедентности как явления из-за неоднозначности в трактовке термина «прецедентный текст».

Как и любые языковые явления, прецедентные феномены выполняют свои функции в языке. Например, исследователь Н. А. Фатеева выделяет функции не конкретно прецедентных феноменов, а интертекстуальности вообще. Она определяет следующие функции интертектуальности, характерные, для прецедентных феноменов:

1) введение в текст новой мысли, высказанной ранее – смыслопорождающую функцию;

2) введение текста в более широкий культурно-литературный контекст;

3) текстопорождающая функция;

4) интертекстуальность как механизм метаязыковой рефлексии [Фатеева 2006: 37-38].

Другой исследователь, Г. Г. Слышкин, выделяет следующие функции концептов прецедентных текстов:

1) номинативная, отражает стремление языковой личности к нестандартному выражению стандартных реалий;

2) персуазивная, обусловленная авторитетностью прецедентного текста. Данная функция реализуется тогда, когда прецедентный текст

используется с целью убеждения коммуникативного партнера в своей позиции в дискуссии;

3) людическая, проявляющаяся в языковой игре, целью которой является снятие напряженности коммуникации;

4) парольная, реализуется тогда, когда употребление текстовой реминисценции направлено на доказательство адресата к той же группе [Слышкин 2000: 76].

А. Е. Супрун придерживается мнения о том, что прецедентные феномены нужны для осуществления определенных задач: кумулятивной, исторической и эстетической [Супрун 1995: 27-28]. Так же стоит обратить внимание, что функции прецедентных феноменов могут варьироваться в зависимости от типа дискурса – художественного, политического, рекламного, публицистического и других.

Лингвист Л. И. Гришаева рассматривает прецедентные феномены как средства речевой выразительности, выполняющие следящие функции:

1) представление эпохи и ее характеристика;

2) выразительное и образное представление какого-либо персонажа;

3) являться составной частью речевого портрета персонажа;

4) служить иллюстрацией национальной специфики;

5) быть своеобразным символом, замещающим ту или иную личность/персонаж;

8) способствовать разрушению стереотипов и предубеждений, помогать установлению взаимопонимания между народами [Гришаева 2008: 120].

На современном этапе прецедентные феномены – прецедентное имя рассматривается на материале художественных текстов В. Токаревой. Наше внимание будет сосредоточено на функционировании прецедентных феноменов художественном тексте, анализу которого будет посвящена глава данного исследования.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: прецедентные феномены представляют собой обширную область для исследований; исследователи В. В. Красных, Д. Б. Гудков и др. расширили теорию прецедентности, начало которой положил Ю. Н. Караулов, выделив такие единицы как прецедентное имя, прецедентное высказывание и прецедентная ситуация, которые входят в когнитивную базу членов лингвокультурного сообщества. В данной работе мы принимаем определение прецедентных феноменов В. В. Красных, а также рассматриваем прецедентные феномены в узком плане согласно И. В. Захаренко.

1. 3. Прецедентные имена собственные

Имена собственные изучают с момента возникновения античной лингвистики. Их традиционное деление на нарицательные и собственные возникло в Древней Греции. Уже в то время ученые обратили внимание на место имен собственных и их особые функции в языке, которые отличаются от простого существительного. Имя собственное является объектом изучения многих исследователей русской и зарубежной лингвистики с XX в., поэтому в настоящее время у лингвистов много спорных вопросов вызывают именно имена существительные собственные.

Российский лингвист В. И. Супрун отмечает: «имена собственные в лексической системе современного русского языка образуют уникальную подсистему с особыми системообразующими механизмами, а также закономерностями развития и функционирования» [Супрун 2000: 3]. Языковая исключительность данного феномена заключается в том, что ученые не могут прийти к единому определению имени собственного.

Данные языковые единицы не только указывают на называемый ими объект, но и несут дополнительную внелингвистическую информацию.

В ономастике существует различные определения имен существительных собственных. Например, ученый В. Д. Бондалетов называет имена собственные «единицами языка – речи» и выделяет основные и второстепенные функции имён собственных.

К основным функциям относится:

1) номинативная (имя называет объект);

2) идентифицирующая (оно указывает на объект в ряду ему подобных);

3) дифференцирующая (указывая, имя выделяет определенный объект из ряда ему подобных);

Ко второстепенным функциям В. Д. Бондалетов относит:

1) социальную (имя собственное живет и развивается в языке);

2) эмоциональную;

3) аккумулятивную (сохраняет и передает информацию);

4) дейктическую (указывает на предмет). Стоит отметить, что нередко в этой функции произнесение имени собственного сопровождается указанием на объект;

5) функцию «введения в ряд»;

6) экспрессивную (выразительная);

8) эстетическую;

9) стилистическую [Бондалетов 1983: 20-21].

Имена собственные не только выполняют номинативную функцию, т. е. называют объект, но и всегда несут экстралингвистическую информацию. «Имя живет и развивается по законам языка, хотя причины, стимулирующие развитие именных систем, по своему происхождению социальны, т.е. лежат вне сферы действия лингвистики» [Суперанская 1973: 26].

О. И. Фонякова предлагает следующее определение имени собственного: «Имя собственное – это универсальная функционально-семантическая категория имён существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [Фонякова 1990: 21]. На наш взгляд, это наиболее удачное определение, так как, принимая его, можно сделать следующий вывод: имя

собственное является своеобразной языковой единицей, которая обладает богатым содержанием.

Нельзя не отметить, что наиболее трудный вопрос возникает при рассмотрении типологии имён собственных, так как в отечественной практике на данный момент нет единой классификаций имён собственных.

На наш взгляд, исследователь А. В. Суперанская предлагает одну из самых подробных, принимая во внимание как лингвистические, так и внелингвистические характеристики имён собственных.

1. Классификация имён в связи с именуемыми объектами:

а) имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые: антропонимы – личное имя человека; зоонимы – кличка животных; мифонимы – имя любой сферы ономастического пространства в мифах, эпопеях, сказках, былинах;

б) наименования неодушевленных предметов: топонимы – наименования населенных пунктов; космонимы и астронимы – наименования космических объектов; фитонимы – наименования растений; названия средств передвижения; сортовые и фирменные названия;

в) имена собственные комплексных объектов: названия предприятий, учреждений; хрононимы – имя исторически значимого отрезка времени; названия праздников, юбилеев, торжеств; названия мероприятий, войн; названия произведений литературы; документонимы; названия стихийных бедствий; фалеронимы – имена собственные любого ордена, медали.

2. Естественно возникшие и искусственно созданные имена;

3. Классификация по линии «микро – макро»;

4. Структурная классификация имён;

5. Хронологическая классификация имён;

6. Классификация в связи с объемом закрепленных в них понятий;

7. Стилистическая и эстетическая классификация.

Ведущей, с точки зрения А. В. Суперанской, является классификация имён в связи с именуемыми объектами, т. е. номинативно-предметная, так

как «соотнесенность с предметом, как правило, определяет «лицо» имени и его характеристики» [Суперанская 1974: 15-17].

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод: принимая определение данное И. О. Фоняковой и классификацию имён собственных А. В. Суперанской, можно говорить о том, что имена собственные заключают в себе как лингвистические, так и экстралингвистические характеристики. Необходимо отметить, что имена собственные составляют доминанту, за счет которой пополняются ряды прецедентных имён. Однако, необходимо учитывать особенности в структуре значения и функционировании прецедентных имён в ряду с другими именами, поэтому считаем возможным выделить их в самостоятельную группу.

Исследователи отмечают способность имён собственных функционировать в тексте как особый знак, который представляет собой соединение имени нарицательного и имени собственного. Многие из них отмечали вторичные значения имени собственного.

Например, лингвист Д. И. Ермолович рассматривает имя собственное как близкое к понятию «прецедентное имя». По его словам, «сущность вторичной номинации – в использовании уже имеющихся лексических средств в новой для них функции наречения» [Ермолович 2005, 220]. Об этом же упоминает в своих исследованиях и Е. А. Нахимова, которая намечает два пути формирования второстепенного значения: метафорический и метонимичный [Нахимова 2011: 49]. К подобным выводам приходит и А. Д. Шмелев.

Нестандартными подобные употребления имён собственных называет исследователь И. Э. Ратникова. Она выделяет три предпосылки такого речевого поведения имён существительных собственных:

1) лексический фон, который отражает культурную смысловое значение носителей имён собственных. «Семантическое расширение онимов возможно в практике языка вследствие концептуализации некоторых

фрагментов реальности, группирующихся вокруг того или иного индивида, топоса, события» [Ратникова 2003: 36];

2) некоторые существенные свойства первоносителя имени на уровне текста приобретают статус элементов языкового, сопутствующего значения. Нужно подчеркнуть, что данное употребление имён собственных исследователь называет «атрибутивным».

Исследователь Е. С. Отин также признает дополнительные значения имён собственных. По его мнению, имена могут выполнять не только свою изначальную функцию – номинативную, но и содержать дополнительное понятие, которое становится в речи понятийным содержанием [Отин 2006: 13]. Такие единицы лингвист определяет, как коннотонимы.

Принимая тот факт, что для имён собственных свойственно речевое поведение, исследователи по-своему подходят к его рассмотрению.

В данной работе мы будем рассматривать исследуемые единицы с точки зрения теории прецедентности, о которой говорилось в вышеупомянутых параграфах, тем самым подчёркивая двойственность языковой и когнитивной природы исследуемым онимов. В данном случае прецедентные имена встают в ряд прецедентных феноменов, где имена отличаются от языковых единиц структурой. Согласно В. В. Красных, имена отличаются наличием «инвариантного восприятия», которое состоит из ядра и периферии. В ядро входят дифференциальные признаки (определенные характеристики, отличающие предмет от ему подобных) прецедентного имени, а периферия включает в себя атрибуты (элементы, связанные с означаемым прецедентным именем) [Красных 2002: 80].

Существует и иной подход к описанию данной структуры – «значение» прецедентного имени. Д. Б. Гудков в исследованиях онимов говорит о национально-определяемом минимальном представлении, которое свойственно всем прецедентным феноменам [Гудков 1999: 55].

Важно отметить, что рассмотрение прецедентного имени возможно на разных уровнях, так как, с одной стороны, это единицы когнитивного уровня,

а с другой, оно относится к вербальным феноменам. Ученые-лингвисты (см., например, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Д. В. Багаева и др.) отмечают, что в коммуникации из рассмотренных нами феноменов на самом деле «участвуют» только прецедентное высказывание и прецедентное имя. Это позволяет нам говорить о функционировании данных вербальных феноменах как о символах в определенных коммуникативных условиях [Багаева 1997: 86].

Исходя из вышесказанного, прецедентные имена могут существовать как имена-символы, так как оно взаимосвязано с прецедентной ситуацией или с прецедентным тестом. Таким образом, инвариант восприятия прецедентного имени формируется в тесной взаимосвязи с именем-символом.

Как уже упоминалось выше, прецедентное имя является единицей когнитивной базы и подчиняется законам ее развития, поэтому мы не может однозначно утверждать, что список прецедентных имён – это закрытый список.

Исследователь Г. Г. Сергеева в своих работах отмечает, что развитие когнитивной базы может включать следующее:

1) утрату у онимов признаков прецедентности и выход из когнитивной базы индивида;

2) перемещение имени из ядра когнитивной базы на периферию (либо наоборот);

3) трансформация представления, стоящего за прецедентным именем [Сергеева 2005: 11].

В исследовании прецедентных имён важно уделять внимание общему контексту национально-культурного сознания, так как вокруг прецедентного имени организуется сегмент национально-культурного пространства, в который входят сопутствующие ему знания [Привалова 2005: 241].

Прецедентные имена являются неоднозначными единицами и содержат в себе как прямое, так и переносное значение. Исследователи выделяли

различные варианты типов их функционирования. Например, исследователь Д. Б. Гудков говорил о экстенсиональном и интенсиональном употреблении, а лингвист А. В. Суперанская о коннатотивном и денотативном.

На наш взгляд, учитывая то, что прецедентные имена характеризуются неоднозначностью, предпочтительнее придерживаться типов, выдвинутыми Д. Б. Гудковым. Вышеуказанные термины были переняты из работ С. Д. Кацнельсона. Выполняя номинативную функцию слово реализует экстенстональное применение: «мысль обнаруживает в данном случае центростремительную направленность: отталкиваясь от всех посторонних предметов, она выделяет необходимый класс в пределах данного класса – определенный предмет» [Кацнельсон 1965: 27]. В данном случае прецедентные имена сближаются с именами собственными. Под интенсиональном применении подразумевается характеристика слова, которое направлено на содержание понятия, «мысль соотносит данный предмет с другими классами предметов» [Кацнельсон 1965: 27]. Следует отметить тот факт, что прецедентное имея остаётся прецедентным несмотря на способы функционирования слова.

Рассмотрим более подробно интесиональный тип функционирования. Как уже упоминалось выше, прецедентный текст/ситуацию актуализирует употребление прецедентного имени несмотря на национально-определяемое представление, содержащиеся в этом имени. Стоит обратить внимание на тот факт, что прецедентное имя может употребляться как со связанным прецедентным феноменом, так и отдельно. Однако уровень метафоричности падает, когда данный феномен функционирует вместе с заглавием. В данном случае степень самостоятельности употребления того или другого элемента возрастает [Караулов 1987: 225]. Важно учитывать, что для реализации прецедентных имён в языке характерна особая синтаксическая позиция. В нашем случае позиция семантического предиката обозначается интенсиональным употреблением. В настоящее время, учеными признается

мнение, что для прецедентных имён собственных не всегда обязательна семантическая соотнесённость с полом, т. е. с категорией рода в принципе.

Экстенсиональное и интесиональное типы функционирования прецедентных имён собственных в некоторых работах исследователей могут быть соотнесены с «метафорическим» употреблением имени собственного. Нельзя отрицать тот факт, что метафорический перенос отчасти служит полем для формирования данного прецедентного феномена, однако такое соединение является не совсем оправданным.

Как уже говорилось выше, в трудах, ученых (Д. Б. Гудкова, Д. И. Шмелева и других), которые посвящены прецедентным феноменам, можно увидеть подобные выражения: ономастическая метафора, метафорическое значение прецедентного имени и т. п. Другие ученые (В. П. Москвитин, Е. С. Петрова), изучая метафоры, не обходят стороной имена собственные, именуя их метафорами-символами, метафорами антропонимов. На самом деле, появление подобных обозначений вполне оправдано, так как сходство в функционировании прецедентных имён и метафор, на первый взгляд, очевидно.

Согласно позиции Л. С. Шириной и Т. Г. Хазагерову, все фигуры речи строятся по принципу сочетания и сопоставления нескольких знакомых простых представлений для формирования более сложного, ранее знакомого [Хазагеров 1999: 117]. Стоит отметить, что данную позицию можно отнести и к прецедентным именам, тем самым доказывая их близость. В рамках культуры речи и стилистики исследователи также говорят о сходстве данного прецедентного феномена и языковой природы метафоры, однако, рассматривая их на когнитивном уровне, ученые не приравнивают метафору и прецедентное имя и целесообразнее считают их разделение.

Исследователь Е. Е. Юрков в своей монографии рассматривает метафору в лингвокультурном аспекте и выделяет несколько подходов к изучению метафоры: психологический, лингвокогнитивный, лингвистический и логико-философкий [Юрков 2012: 43-56]. С точки зрения

сравнения прецедентного имени и метафоры стоит отметить, что когнитивная природа свойственна и тем, и другим единицам. Родоначальниками данного направления считаются Дж. Лакофф и М. Джонсон, которые в своей монографии определили когнитивную природу метафоры. Однако ученые Э. В. Будаев и А. П. Чудинов дают иное определение когнитивной природы метафоры. По их мнению, метафора – это ментальный феномен, а не лингвистический, так как языковой уровень отражает лишь мыслительные процессы, а метафорическое значение слов – это поверхностное отношение понятийных метафор, заложенных в системе человека и отражающихся в его мышлении и восприятии [Будаев 2006: 35].

При подходе к прецедентным именам с точки зрения метафоры, то, на наш взгляд, необходимо рассмотреть теорию Е. С. Петровой. По мнению ученого, исследуя прецедентные имена собственные, мы сталкиваемся с его метафоризацией. Согласно своей теории, Е. С. Петрова выделяет несколько типов таких метафор:

1) акциональная, основанная на сходстве сравниваемых лиц по выполняемой ими деятельности;

2) квалификативная, основой для образования которой являются качества, признак внешности, характера, социального статуса и т.д.;

3) реляционная, где «…носитель имени может приобрести известность в социуме не столько в силу собственных действий или качеств, сколько в силу отношений с другим лицом» [Петрова 2006: 177-178].

Исследователь Д. Б. Гудков занимаясь рассмотрением прецедентных имён собственных отмечает в своей монографии, что прецедентные имена выступают в основном как средство сравнения или как часть самой метафоры, а также служат для сопоставления и уподобления разных объектов [Гудков 1999: 84]. Некоторые исследователи, например, Н. Д. Арутюнова, не соглашается с тем, что прецедентные имена имеют метафорические свойства, полагая что «псевдоидентификация в пределах одного класса не создает метафоры» [Арутюнова 1990: 20].

Принимая тот факт, что имена собственные могут иметь переносное значение, которое может быть и метафорическим, либо являться частью метафоры, подчеркнем, что мы в нашем исследовании будем придерживаться мнения, что прецедентные имена метафорами не являются. На наш взгляд, прецедентные имена не могут быть равны метафоре по причине различия их когнитивной природы: прецедентные имена прецедентны потому, что связаны с другими прецедентными феноменами языка.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод: прецедентные имена собственные являются самостоятельными группами когнитивных и языковых единиц, обладающие своими закономерностями употребления и особенностями структуры значения, которое выражается в инварианте восприятия (национально-культурном, минимизированном).

Ученый В. В. Красных определила критерии, благодаря которым возможно выделение прецедентных имён из ряда других метофактов:

1) прототипичность, т. е. прецедентные имена имеют в качестве своего основания некую единичную реалию;

2) единичность, т. к. только прецедентные феномены выделяются с этой позиции, поскольку они являются единичными [Красных 2002: 67]

Таким образом, при выделении прецедентных имён из ряда других ментефактов необходимо учитывать приведенные выше критерии, которые, безусловно, являются необходимыми.

Рассмотрение особенностей прецедентных имён показало, что им необходимо точное определение места в общей языковой системе. На первый взгляд, из определения становится понятно, что данные прецедентные феномены являются индивидуальными именами [Сергеева 2005: 17], т.е. именами собственными. Однако в тоже время исследователями отмечается «переходность» прецедентных имён, их неопределенное положение между именами нарицательными и именами собственными.

Соглашаясь с тезисом о принадлежности прецедентных имён к классу имен собственных, мы находим его подтверждение у ряда исследователей.

Например, Г. Г. Сергеева соотносит прецедентные имена с именами собственным, отмечая, что они являются единицей языкового сознания, к тому же высокая частотность интенсионального использования не приводит их к переходу разряда из имён собственных в нарицательные и наоборот [Сергеева 2005: 10]. Стоит отметить, что доказательством данного тезиса является возможность экстенсионального или интенсионального функционирования имён. В данном ключе они выступают в качестве имён собственных, но при этом остаются прецедентными, т.к. прецедентность – это черта, присущая имени вне зависимости от способа его употребления.

Выше мы упоминали о том, что все исследователи относят прецедентные феномены к единицам языкового сознания, признавая их когнитивную природу. Для того, чтобы рассмотреть прецедентные имена собственные, необходимо обратиться к структуре языкового сознания, в которой функционируют данные феномены.

И. В. Привалова считает основой для вычленения термина «языковое сознание» является единство речевой деятельности и рефлексионного процесса [Привалова 2005: 24]. Нельзя не согласиться с ем, что сознание воплощается в процессе рефлексии над окружающем миром и речевой деятельности. Исследователь Е. Ф. Тарасова отмечает, что ментальные образы формируют сознание человека с помощью деятельности, «в которой субъект сознания воплощает эти образы, в виде предметного воплощения этих образов, т.е. в продуктах, результатах этой деятельности» [Тарасов 1993: 6]. Отсюда можно сделать вывод: один из видов отражения ментальных образов – речевая деятельность.

Исследователь В. А. Сирак отмечает, что язык является специфическим средством, которое контролирует человеческое поведение [Сирак 2009: 370]. Данное взаимодействие повлияло на создание особого термина как «языковое сознание». Ученые Ю. Н. Филиппович и Ю. Н. Караулов замечают, что понятие «языковое сознание» наталкивает на мысль, что

«язык» – механизм, с помощью которого мы можем заглянуть в «сознание» [Караулов 2009: 8].

Не все ученые разделяют данную точку зрения. Некоторые исследователи (И. А. Стернин, З. Д. Попова) считают «языковое сознание» не самостоятельным образованием, а лишь составной частью более крупных. Так, по мнению З. Д. Поповой, в предложенной ею структуре выделяется три составляющие: языковое сознание входит в коммуникативное, которое является компонентом когнитивного [Попова 2002: 29]. При этом ученые выделяют уровни самого языкового сознания:

1) уровень традиционного лингвистического описания, который включает в себя «описание того, что есть в языке и что уже зафиксировано в текстах, письменной и устной речи, что устоялось, определилось и является общепринятым»;

2) уровень психолингвистического описания, которые «…отражает результаты экспериментальных исследований»;

3) уровень нейролингвистического описания, который подразумевает исследование нейрофизиологических процессов [Попова 2007: 46].

Таким образом, исследование ментефактов проводиться на всех уровнях. Поэтому, следует подчеркнуть, что один из способов исследования прецедентных имён – анализ существующих текстов. В которых функционируют данные прецедентные феномены.

Выводы по первой главе

В центре внимания лингвистики находится не только язык, но и способы его взаимодействия с мышлением и восприятием. Данное взаимодействие необходимо иметь в виду при исследовании таких языковых единиц, как прецедентные феномены, так как именно они ведут к раскрытию и описанию когнитивной базы.

В русской лингвистике о прецедентности впервые заговорил Ю. Н. Караулов. В своих работах он ввел термин «прецедентный текст». Вслед за этим понятием появляются и другие, например, текстовая реминисценция (Супрун 1995), концепт прецедентного текста (Слышкин 2001), прецедентный культурный знак (Пикулев 2002) и др. Теория Ю. Н. Караулова получила развитие в работах Д. В. Багаевой, И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, которые рассматривают прецедентные феномены с точки зрения лингвокогнитивного подхода. Прецедентные феномены, по их мнению, являются ядерными элементами

когнитивной базы, являющиеся определенной структурой знаний и представлений, которой обладают члены любого лингвокультурного сообщества. Лингвистами были выделены такие прецедентные феномены, как прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание и прецедентное имя, на основе следующих признаков:

«1) известные всем представителям национально-лингвокультурного;

2) актуальные в когнитивном плане;

3) обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей любого национально-лингвокультурного сообщества» [Красных 2003: 170].

В узком плане прецедентные феномены представляют собой особую группу прецедентнов, которые «оказываются связанные с коллективными инвариантами представлениями конкретных «культурных предметов»; в широком плане прецедентные феномены необходимо рассматривать как «образцовые факты, служащие моделью для восприятия сходных фактов, представленных в речи определенными вербальными сигналами, актуализирующие стандартное содержание» [Прохоров 2006: 150], в состав которых входят клише и штампы. Основным отличием прецедентных феноменов от других явлений (клише, штампов) является их соотнесенность с конкретными явлениями культуры. В нашей работе мы будем придерживаться линвокогнитивного подхода к прецедентным феноменам, понимая под прецедентным именем «сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется обращение не к собственно обозначаемому предмету, а к набору дифференциальных признаков» [Красных 2003: 210].

Прецедентные имена включаются в ряд прецедентных феноменов, где имена отличаются от языковых единиц структурой: наличием «инвариантного восприятия», которое состоит из ядра (дифференциальных признаков (определенные характеристики, отличающие предмет от ему

подобных) прецедентного имени) и периферии (атрибуты, элементы, связанные с означаемым прецедентным именем).

Прецедентные имена являются неоднозначными единицами и содержат в себе как прямое, так и переносное значение. Прецедентные имена собственные являются самостоятельными группами когнитивных и языковых единиц, обладающие своими закономерностями употребления и особенностями структуры значения, которое выражается в инварианте восприятия (национально-культурном, минимизированном).

Глава II. Анализ особенностей прецедентных имён собственных в текстах В. С. Токаревой

2. 1. Классификация прецедентных имён собственных, функционирующих в произведениях В. С. Токаревой

Проза В. С. Токаревой является неотъемлемой частью многогранного пласта современной русской женской литературы второй половины XX – начала XXI века. На протяжении последнего десятилетия художественный мир писательницы стал объектом пристального изучения исследователей: в работах акцентируется внимание на стилевых доминантах, автологических (от греч. autos – сам и logos – слово, речь) и металогических (от греч. meta – через, после, за и logos – слово, речь) приемах в прозе автора, то есть на употреблении в художественном тексте слов и выражений в прямом и переносном значении. Одним из металогических приемов в тексте В. Токаревой является использование прецедентного имени собственного.

Предметом данного исследования послужили прецедентные имена собственные, функционирующие в следующих рассказах и повестях В. Токаревой: «Свинячья победа», «Стрелец», «Северный приют», «Лавина», «Я есть. Ты есть. Он есть», «Хэппи энд», «Телохранитель», «Казино», «Уик-энд», «Розовые розы», «Из жизни миллионеров», «Мои враги», «А из нашего окна…», «Этот лучший из миров», «Ничего особенного», «Здравствуйте», «Коррида», «Полосатый надувной матрас», «Паспорт», «За рекой, за лесом», «Ни сыну, ни жене, ни брату», «Зигзаг», «На черта нам чужие», «Казино», «О том, чего не было», «Зануда», «Уж как пал туман». Выбор этих произведений был обусловлен, прежде всего, высокой частотностью употребления в них интертекстуальных отсылок, аллюзий и прецедентных феноменов.

В текстах названных выше художественных произведений писательница использует 78 прецедентных имён собственных (150 словоупотреблений). Преобладают мужские имена, их 56 (111 словоупотреблений – 74%). Женских прецедентных имён 22 (39 словоупотреблений – 26%). В. Токарева обращается к русским именам собственным, их 37 (80 словоупотреблений – 53%), и к зарубежным – 41 (70 словоупотреблений – 43%) (как видим, преобладают зарубежные имена собственные). Среди русских прецедентных имён преобладают мужские имена – 30 (66 словоупотреблений – 82%), женских имён 7 (14 словоупотреблений – 18%). Заимствуя зарубежные имена собственные, автор отдает предпочтение мужским именам собственным (26 единиц, 45 употреблений – 64 %), их почти вдвое больше, чем женских (15 единиц, 25 употреблений – 36%). В ряду данных прецедентных имён мы можем выделить антропонимы (68), библионимов (2) топонимы (6), названия произведений искусства (2).

Согласно классификации по сфере-источнику Е. А. Нахимовой, среди антропонимов были выделены следующие группы онимов:

1) деятели искусства (23 имени собственных, 65 словоупотреблений – 46 %):

– поэты, писатели: *Лермонтов, Достоевский, Пушкин, Чехов, Островский, Лилия Брик, н*апример, *Слова были жалкие, не что у **Лермонтова*** («Хэппи энд» (с. 383)); *Лилек была влюблена в **Чехова**, а Женька в **Достоевского*** («Розовые розы» (с. 503)); *А могла бы сломать бедро и отправиться на долеживание, как **Лилия Брик**…* («Телохранитель» (с. 105));

– композиторы: *Моцарт, Чайковский*, например, *Не рассчитывал интонацией, не сообща собственных переживаний. Только точность. Только **Чайковский*** («Лавина» (с. 283)); *Старуха, похожая на **Моцарта**, навещала дочь, которая работала в администрации* («Телохранитель» (с. 102));

– актеры: *Орнелла Мутти, Софи Лорен, Мэрилин Монро, Габен, Челентано, Бельмондо, Шварценеггер, Марина Влади*. Например, *...при этом я увлеклась по-детски искренне и вместе с тем порочно-женственно, как **Марина Влади**, но на милиционера это не произвело никакого впечатления («Паспорт» (с. 297))*;

– певцы: *Монсеррат Кабалье, Шарль Азнавур, Майкл Джексон, Мирей Матьё, Бриджит Бардо,* например, *Прическа под **Брижит Бардо**. Мода двадцатилетней давности* («Телохранитель» (с. 115)); *Он мучительно кого-то напоминал. **Шарль Азнавура** – вот кого, понял Костя* («Стрелец» (с. 162));

– художники: *Рембрандт, Рафаэль*. Например, *Кому охота смотреть на чужое старое лицо, если это не **Рембрандт,** конечно…* («Стрелец» (с. 150));

2) архетипы (14 имён собственных, 38 словоупотреблений – 21%): *Штирлиц (*персонаж произведений писателя Ю. Семёнова таких, как «Майор Вихрь», «Пароль не нужен» и др.*»), Анна Каренина и Вронский (персонажи романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»), Мцыри (персонаж поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри»), Золушка (персонаж сказки Ш. Перро*

*«Золушка»), Аэлита (персонаж романа А. Н. Толстого «Аэлита»), Кандид (персонаж повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм»), Азучена (героиня либретто С. Каммарано и Л. Бардаре), Мастер (персонаж романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»), Руслан (персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»), Онегин (персонаж романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»), Тузенбах (персонаж пьессы А. П. Чехова «Три сестры»), жених Дюймовочки (персонаж сказки Х. К. Андерсена «Дюймовочка»), княжна Мэри (персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»), н*апример, *В этой шали ты как **Азучена***» («Мои враги» (с. 14)); *Девочка сначала окоченела от ужаса… Сидела за столом, поглядывала, как **княжна Мэри*** («Лавина» (с. 305));

3) известные личности (11 имён, 16 словоупотреблений – 11%): *Фаберже, Саския, Джордано Бруно, Ницше, Наталья Гончарова, Наполеон, шахиня Сорейя, Павлик Морозов, Вершинин, Фрейд, Билл Гейтс*, например, *Я – красивая женщина. Почти красавица. **Наталья Гончарова*** («Здравствуйте» (с. 264)); *Из психушки сбежал... Там они все **Наполеоны и Бонапарты*** («Этот лучший из миров» (с. 150)); *Выросли внуки **Павлика Морозова**. Их научили отрекаться от родителей, затаптывать корни…* («Я есть. Ты есть Он есть» (с. 333));

4) государственные деятели (10 имён собственных, 21 словоупотребление – 22%): *принц Чарльз, Горбачёв, Гитлер, Путин, Аникеева, Кеннеди, Ленин, Билл Клинтон, Сталин, Брежнев*, например, *Верхняя века была прямая, как у **Ленина*** («Стрелец» (с. 169)); *И в сорок восемь лет – тюфяк тюфяком. Вот **Билл Клинтон** – занят не меньше.* («Лавина» (с. 274)); *Вкалывает, как зверь…. Как при **Сталине**, так и **Брежневе*** («Северный приют» (с. 181)).

Следует отметить частотность употребления вышеуказанных прецедентных имён собственных антропонимов: Лермонтов (3), Наталья Гончарова (2), Пушкин (2), Горбачёв (2), Сталин (2), Мцыри (2) среди русских онимов; в ряду зарубежных – Рембрандт (2), Софи Лорен (2),

Моцарт (2). Таким образом, можно сказать о том, что группы прецедентных имён «Деятели искусства» и «Политические деятели» являются наиболее частотными в текстах писательницы.

В произведениях В. Токаревой встречаются персонажи, у которых нет конкретного имени. Однако мы можем отнести их к прецедентным феноменам, так как за ними закреплены определенные характеристики. Так, например, прецедентное имя ***жена Лота*** в контексте реализует такую черту характера, как любопытство, а имя собственное ***Вечный Жид*** подразумевает такое понятие, как бессмертие, скитание.

Рассмотрим данные прецедентные феномены с другой стороны, опираясь на структурно-семантическую характеристику. Среди данных прецедентных имён мы можем выделить:

1) однокомпонентные (57), например, *Бельмондо, Саския, Аэлита и др.;*

2) многокомпонентные (21), например, *Лилия Брик, Билл Гейтс, Софи Лорен и др.*

В ряду многокомпонентных прецедентных имён собственных можно вычленить свободные и несвободные. Так, к несвободным мы можем отнести следующие имена: *жена Лота, жених Дюймовочки, Вечный Жид, Медный Всадник, Павлик Морозов*. Данные прецедентные феномены являются несвободными, так как, отделяя компоненты данных имён собственных, они теряют свой определенный набор характеристик, черт, ассоциаций.

С точки зрения развития языка данные прецедентные имена можно рассмотреть со стороны активного (41) и пассивного употребления (37). Например, такие прецедентные имена, как *Путин, Монте-Карло, Золушка, Анна Каренина* и др. активно используются средними носителями языка, а имена *Вечный Жид, Азучена, Тузенбах* и др**.** постепенно выходят их употребления.

Рассмотрим прецедентные имена собственные с точки зрения социальной значимости. Согласно классификации, предложенной

В. В. Красных, данные прецедентные феномены можно распределить по следующим группам:

1) социумно-прецедентные феномены, то есть не зависящие от национальной культуры (38 прецедентное имя): *Лермонтов, Достоевский, Пушкин, Чехов, Островский, Горбачёв, Гитлер, Путин, Кеннеди, Ленин, Билл Клинтон, Сталин, Брежнев, Ницше, Наполеон, Фрейд, Билл Гейтс, Монте-Карло, Золушка, жених Дюймовочки, Монсеррат Кабалье, Моцарт, Орнелла Мутти, Шарль Азнавур, Майк Джексон, Чайковский, Мирей Матье, Софи Лорен, Мэрилин Монро, Бриджит Бардо, Габен, Челентано, Бельмондо, Шварценеггер, Рафаэль, Рембрандт, Антантида;*

2) национально-прецедентные феномены, то есть известные любому представителю национально-лингвокультурного сообщества, а также входящие в его национальную когнитивную базу (21 прецедентное имя): *Лилия Брик, Штирлиц, Мцыри, Руслан, Тузенбах, Анчар, Медный Всадник, княжна Мэри, Аникеева, Саския, Наталья Гончарова, шахиня Сарейя, Павлик Морозов, Вершинин, Тауэр, Освенцим, Байконур, Джордано Бруно, Анна Каренина, Вронский, Мастер, жена Лота, Вечный Жид, Онегин;*

3) универсально-прецедентные феномены, известные всем и входящие в универсальную когнитивную базу (37 прецедентных имён): *Лермонтов, Достоевский, Пушкин, Чехов, Островский, Горбачёв, Гитлер, Путин, Кеннеди, Ленин, Билл Клинтон, Сталин, Брежнев, Ницше, Наполеон, Фрейд, Билл Гейтс, Золушка, Монсеррат Кабалье, Моцарт, Орнелла Мутти, Шарль Азнавур, Майк Джексон, Чайковский, Мирей Матье, Софи Лорен, Мэрилин Монро, Бриджит Бардо, Габен, Челентано, Бельмондо, Шварценеггер, Рафаэль, Рембрандт.*

Таким образом, группы социумно-значимых и универсально-прецедентных феноменов преобладают. Это позволяет нам сделать вывод о том, что В. Токарева ориентирует свои произведения на широкие массы, то есть писательница использует в своих текстах те прецедентные имена,

которые известны любому носителю языка той или иной национально-культурной общности.

Семантическая структура раскрывает особенности функционирования прецедентного имени собственного в тексте. В ходе анализа вышеуказанных единиц мы можем выделить следующие семантические группы прецедентных имён собственных:

1) имена, подчеркивающие отдельные атрибуты, – 48 (76 словоупотреблений – 51%);

2) имена, заключающие в себе абстрактные понятия, – 14 (46 словоупотреблений – 29%);

3) имена, служащие для передачи состояния героев, – 7 (13 словоупотреблений – 8%);

4)имена, отражающие эпоху/время, – 4 (6 словоупотреблений – 6%);

5) имена, представляющие типаж героя, – 4 (4 словоупотребления – 4%);

6) имена, использующиеся в качестве иронии, – 1 (1 словоупотребление – 2%).

Таким образом, прецедентные имена собственные, передающие абстрактные понятия, подчеркивающие отдельные атрибуты и служащие для передачи состояния героя являются самыми многочисленными группами, которые позволяют читателю почувствовать героя произведения, оценить его поступки, поведение, понять тот или иной выбор персонажа. Анализ функционирования прецедентных имён собственных и их специфика в произведениях В. Токаревой подробно рассмотрена в следующем параграфе.

2. 2. Анализ особенностей функционирования прецедентных имён собственных в произведениях В. С. Токаревой

Как уже отмечалось выше, семантическая структура помогает раскрыть особенности функционирования прецедентных имён собственных в художественном тексте В. Токаревой. В процессе классификации прецедентных имён, нами было выявлено, что самая обширная группа –

имена, заключающая в себе абстрактные понятия (14): самопожертвование, власть, наказание, любовь, мука, гуманность, свобода и т.д. Далее следуют имена, подчеркивающие отдельные атрибуты (10): черты характера (трудолюбие, наивность, любопытство), внешний вид, способности (талант). Имена, служащие для передачи состояния героев (7): внутренняя борьба, одиночество, тоска, стеснение, неуверенность и др. Прецедентные имена собственные, отражающие эпоху/время (4), символизируют определенные периоды в прошлом. Также нами были выделены две немногочисленные группы, представляющие определенный типаж героев (4), и имена, использующиеся в качестве иронии (1). Таким образом, можно сказать о разнообразии семантических групп прецедентных имён собственных в произведениях В. Токаревой. Обратимся к анализу прецедентных имён собственных, которые функционируют в тексте в качестве имён-символов.

Во внимание В. Токаревой попадает проблема самоидентификации современной женщины в обществе, поэтому писательница, создавая образы своих героинь, делает отсылки к различным деятелям искусства, выдающимся личностям, библейским и литературным архетипам. Например, знакомя с женщиной по имени *Этиопа* (рассказ «Из жизни миллионеров»), писательница использует имя итальянской певицы и актрисы *Софи Лорен*: *На всех фотографиях была изображена черная девушка, как две капли воды похожая на* ***Софи Лорен*** *в ранней молодости»* («Из жизни миллионеров»» (с. 75)). Употребляя прецедентное имя *Софи Лорен*, В. Токарева характеризует героиню рассказа как амбициозную девушку с необычайной красотой, харизматичностью и талантом. Именно такой мы и видим *Этиопу*: она эфиопка, обладательница экзотической внешности: *рот от уха до уха, белые зубы, глаза как у пантеры,* длинноногая успешная модель. Мужчины вьются вокруг этой *«яркой семитской красоты».* Таким образом, прецедентное имя *Софи Лорен* является символом красоты, чувственности и женственности. Другую героиню рассказа «Из жизни миллинионеров» автор ассоциирует с *Золушкой*: *«Я –* ***Золушка****, которая так и не попала на бал. Мои*

написанные книги – это и есть мои горшки и сковородки» («Из жизни миллионеров» (с. 11)). Героиня (писательница единственной в рассказе не дает ей имя) идентифицирует себя с *Золушкой*: она так же, как и героиня сказки, трудолюбива, послушна, честна, искренна, скромна. Имея в жизни все, она чувствует себя несчастной. Героиня рассказа В. Токаревой мечтает найти настоящую любовь и осуждает иные «виды» любви *Анастези, Мориса* и *Этиопы*. В данном случае прецедентное имя собственное *Золушка* является символом трудолюбия, искренности и доброты.

В рассказе «Мои враги» писательница использует имя американской киноактрисы, певицы и модели *Мэрилин Монро*. Мачеха главной героини-рассказчицы, Танька, амбициозна, умна, но не очень доброжелательна к людям, потому что «ей надо кото-то топтать». Однако она располагает к себе своим умом, красотой и внешним видом: *На стене висела Танькина фотография в молодости. Танька была похожа на* ***Мэрилин Монро****, но лучше. Более строгая, не такая сладкая* («Мои враги» (с. 18)). В данном случае В. Токарева, обращаясь к прецедентному имени собственному, использует не все его характеристики в совокупности, а лишь один параметр – внешность. Сравнивая свою героиню с *Мэрилин*, В. Токарева подчеркивает в ней внешние данные и силу характера. В данном случае прецедентное имя *Мэрилин Монро* является символом идеальной красоты. *Мэрилин Монро* – обворожительная красотка, женщина-личность, то же самое мы видим в образе Таньки.

В рассказе «А из нашего окна…» писательница обращается к названию безымянного персонажа Ветхого Завета – *жене Лота*. Главного героя – режиссера Владимира Тишкина – на пляже Иордании узнает местная старуха, которая, по мнению героя, пристает к нему с вопросами о его творческой деятельности: *Старуха оказалась настырная, но симпатичная. Просто она была любопытная, как* ***жена Лота*** («А из нашего окна…» (с. 77)). Женщина расспрашивала героя, потому что узнала режиссера, фильмы

которого ей очень полюбились. В данном случае прецедентное выступает как символ любопытства и заинтересованности.

В повести «Стрелец» постельница использует имя голландского художника Харменса ван Рейн *Рембрандта* как символ художественного таланта. Героиня Катя мечтает открыть свое издательство, где хочет выпускать альбомы современного искусства: *Сейчас тоже есть свои* ***Рембрандты****. Но все они по частным коллекциям. Их надо собрать* («Стрелец» (с. 141)). Она уверена, что в настоящее время есть выдающиеся, талантливые художники, и их необходимо показать людям. В данной повести прецедентное имя собственное *Рембрандт* представляет собой талант, образец, «мерило» для творцов в художественной сфере искусства. В рассказе «Этот лучший из миров» В. Токарева использует имя архетипа *Кандид*. Главный герой рассказа *Кандид* потерялся во времени и оказался в современной Москве. Он, как и одноименный герой повести Вольтера, олицетворяет собой простодушие и доверчивость. «Candide» в переводе с латинского буквально означает «наивный», «чистый». Герой, попадая в Москву двадцатого века, искренне верит, что живет в лучшем мире, и время тому не помеха. Однако жестокость и равнодушие окружающих открывает глаза герою-простаку: *Этот мир ужасен, – подумал* ***Кандид.*** *– Вольтер прав…* («Этот лучший из миров» (с. 152)). В данном случае прецедентное имя собственное является символом слепой наивности, слепой веры. В конце рассказа герой осознает, что мир, в который он попал, – тюрьма, и человек всегда должен делать то, что хотят другие. Именно поэтому он оказался в зоопарке в клетке с волком, в котором увидел «себя». Для волка зоопарк – так же тюрьма, в которой животные во власти людей.

Таким образом, данные прецедентные имена собственные помогают писательнице дополнить образы своих героев с помощью индивидуальных атрибутов: внешнего вида (*Софи Лорен, Мэрилин Монро*), творческий способностей (*Рембрандт*) и черт характера (*Золушка, Кандид, жена Лота*).

В текстах произведений мы можем наблюдать и обобщенные типажи героев, которые помогают нам лучше понять их самих и их характеры (*Софи Лорен, Фрейд*). Героиня Нинон из рассказа «Уик-энд» – светская дама, умный и любящий свою профессию человек. Она привлекательна, «ей нравится быть сильной» и «самоутверждаться» за счет других людей: *Она сама похожа на иностранку: большеротая, большеглазая, тип* ***Софи Лорен****, только нежнее. Её красота не такая агрессивная* («Уик-энд» (с. 486)). В данном рассказе писательница, используя прецедентное имя собственное, относит героиню к определенному типу женщин: стильные, точеные, роскошные, темпераментные красотки – такие, как *Софи Лорен.* В произведении «Казино» В. Токарева использует прецедентное имя собственное *Фрейд****,*** характеризуя целый тип мужчин: *Я заметила: носители нравственности, как правило, порочные типы. Как* ***Фрейд****, например* («Казино» (с. 487)). Прецедентное имя *Фрейд* является символом двуличности человека.

Прецедентные имена собственные антропонимы могут воплощать в себе абстрактные понятия (*Аэлита, Гитлер*), которые помогают читателю понять возможности героев и их поступки. Например, в рассказе «Ни сыну, ни жене, ни брату» автор использует имя литературного персонажа *Аэлита* из одноименного романа А. Толстого. Главный герой Саша Дюкин, по прозвищу Талисман, приносит удачу тем, кто его попросит о помощи. Однажды к нему обратилась девушка по имени *Аэлита*. Она приехала из другого города к Дюку-талисману, чтобы тот помог ей «помолодеть»: *он ждал меня со своих семнадцати лет и мы обязательно должны были встретиться…* («Ни сыну, ни жене, ни брату» (с. 182)). Девушка готова преступить закон и подделать паспорт, чтобы молодой жених никогда не узнал ее настоящий возраст: ***Аэлита*** *посмотрела на Дюка взглядом, исполненным решимости бороться, как солдат на передовой. До победного конца* («Ни сыну, ни жене, ни брату» (с.183)). В данном случае прецедентное имя собственное *Аэлита* является символом самопожертвования во имя

любви. В повести «Свинячья победа» писательница использует имя немецкого политика, оратора, центральной фигуры Германии XX века Адольфа Гитлера. Ученные-селекционеры, работающие на птицефабрике, сравниваются автором с Гитлером, подчеркивая их возможность управлять жизнями других существ: *На ферме существовал и мозговой центр, где трудились ученные-селекционеры. Создавали наиболее качественную породу. Кажется,* ***Гитлер*** *хотел создать наиболее качественную породу людей* («Свинячья победа» (с. 94)). В данной повести прецедентное имя собственное *Гитлер* является символом власти человека над живыми существами.

В текстах В. Токаревой встречаются прецедентные имена собственные, отражающие эпоху, определённое время, в которое происходили те или иные изменения (*Горбачёв*). Например, в повести «Телохранитель» В. Токарева использует имя государственного деятеля – *М. С. Горбачёв*. Одну из главных героинь повести ничем не примечательную Валентину выдают замуж за тихого, не подающего надежды Толика: *С тех пор прошло пятнадцать лет. Пришел* ***Горбачёв****, ушел* ***Горбачёв****. Накатило новое время* («Телохранитель» (с. 86)). Из Толика к этому времени получился «воротила-бизнесмен», «денежный мешок», а Валентина превратилась в современную даму с блеском в глазах и «новыми зубами». В данном случае прецедентное имя *Горбачёв* является символом изменений, которые произошли как с людьми, так и в стране вообще за определенный период времени.

Прецедентные имена собственные в произведениях писательницы помогают создать иронию. Например, в повести «Свинячья победа» В. Токарева использует имя российского государственного деятеля, президента РФ *В. В. Путина*. В данном случае прецедентное имя *Путин* создает комический эффект. Писательница использует такой прием, как ирония:

– *Первый тост: за нашего Всевышнего… – провозгласил тамада.*

– *За* ***Путина***, что ли?

– *Кто такой* ***Путин****? Раб Божий. За Господа Бога, нашего Создателя…* («Свинячья победа» (с. 101)). Иронизируя, автор указывает на равенство людей, подчеркивая, что не важно, какой у человека чин, перед Господом Богом все «рабы».

Особую роль в художественном тексте В. Токаревой играют прецедентные имена собственные-топонимы. Являясь важными деталями, они помогают читателю понять не только идею произведения, но и самих героев, их состояние. Например, в рассказе «Ни сыну, ни жене, ни брату» писательница употребляет прецедентное имя собственное *Тауэр*, которое в своем прямом значении именует исторический замок, использующийся в разные времена как крепость, королевская резиденция и тюрьма:

– Ко мне знакомые приехали из Прибалтики, – сообщила тётя Зина почему-то жалостливым голосом. – Мы у них летом дачу снимаем. Они хотят финскую мебель купить ***«Тауэр»****. А достать не могут.*

– Английскую, – поправил Дюк.

– Почему английскую? – удивилась тётя Зина.

– ***Тауэр*** *– это английская тюрьма. Там королева Елизавета Стюарт сидела.*

– А ты откуда знаешь?

– Это все знают («Ни сыну, ни жене, ни брату» (с.193)).

Главный герой Саша Дюкин, по прозвищу Дюк, считает себя талисманом и помогает всем, кто попросит у него помощи. Однажды Дюка попросили добыть английский гарнитур *«Тауэр»***.** Мальчик не смог отказать знакомым: *Операцию «Тауэр-Талисман» следовало подготовить заранее* («Ни сыну, ни жене, ни брату» (с.197)). Он отправился к директору мебельной фабрики «разведать обстановку». Из разговора героев мы узнаем, что Ёж (так называет директора В. Токарева) попросил мальчика сопроводить его к начальству, в качестве талисмана на удачу взамен на нужный Дюку гарнитур. Ёж давно руководил фабрикой и не раз нехотя превышал свои рабочие обязанности и вынужденно брал взятки, за что в

скором времени должен предстать перед начальством: *Если они хотят, чтобы не было взяточничества, пусть не создают условия… Создают дефицит. Создают очередь, – продолжал обижаться Ёж. – И на что они надеются? На высокую нравственность? Я так и скажу* («Ни сыну, ни жене, ни брату» (с.203)). Благодаря вовремя появившемуся мальчику директор был уволен, а не отправлен в тюрьму за свои махинации. В данном рассказе прецедентное имя собственное *Тауэр* является символом наказания, которое должен понести директор за нарушение своих обязанностей.

Героиня рассказа «А из нашего окна…» Алина, молодой технический работник, стала незабываемой любовью начинающего режиссера Тишкина. Герой познакомимся с ней на фестивале, и она навсегда осталась в его сердце. Через несколько лет Владимир решился навестить девушку, но увидел совсем другого человека («бледная кожа», «худой силуэт», «лысый череп»): *Она похудела, будто вышла из* ***Освенцима****. Перед Тишкиным стоял совершенно другой человек* («А из нашего окна…» (с. 65)). Алина изменилась до неузнаваемости: из очаровательной девушки с привлекательной внешностью превратилась в больного, измученного, закрытого от окружающего мира человека. В рассказе прецедентное имя собственное *Освенцим* выполняет иную функцию: оно является символом внутренней боли и страдания. «Неизлечимая» болезнь надломила девушку, изменила ее внешний и внутренний мир. Осознавая своё положение, героиня старается жить: *Я бы согласилась жить на полустанке, смотреть, как мимо бегут поезда, спать на лавке, накрываться пальто. Только бы видеть, слышать, дышать…* («А из нашего окна» (с. 68)).

В рассказе «Ничего особенного» прецедентное имя собственное *Монте-Карло* помогает создать иронию. «Хирургиня» Раиса получила по блату место в больнице, куда попадет после аварии Марго, один из главных героев рассказа. В разговоре с Марго Раиса сравнивает свое отделение с простыми стационарными больными с *Монте-Карло*, самым купным и богатым городом мира: *У нас здесь очень хорошо, – хмуро подтвердила*

Раиса. – Просто замечательно. ***Монте-Карло****. Рулетка* («Ничего особенного» (с. 231)). Употребляя прецедентное имя *Монте-Карло*, «хирургиня» подчеркивает разницу двух противоположенных «миров»: бедной провинциальной больницы, в которой шанс для Маргариты пойти на поправку, словно везение в рулетке, и роскошного туристического курорта. Иной герой рассказа, врач Корольков, ни на шаг не отходил от своей пациентки Маргариты Полудневой, так как допустил ошибку во время операции. Иван Петрович привык заботиться о своей больной, а когда все опасения остались позади, герой почувствовал себя опустошённым. Впервые он посмотрел на окружающий мир другими глазами: *Корольков стал вдруг замечать: что-то обаятельное происходит в мире. Например, небо за окном, космическое, как на* ***Байконуре****… Он мог подолгу стоять и смотреть в небо, потрясаюсь малостью и величием человека* («Ничего особенного» (с. 244)). Прецедентное имя собственное *Байконур*, олицетворяя красоту природы, является своеобразным символом перерождения души героя. Иван Петрович видит ночное небо не в первый раз, но именно в этот момент он осознает всю красоту и незыблемость окружающего мира. И вот, когда он отдал всё, что мог, природа помогает почувствовать герою свои внутренние силы: он обычный человек, смог сделать, по-видимому, для себя невозможное – по-настоящему полюбить: *И небо было тоже давно – много раньше, чем Корольков обратил на него внимание. Однако он заметил это только теперь* («Ничего особенного» (с. 244)).

В повести «Стрелец» В. Токарева использует название мифического острова-государства *Атлантида*. Одна из главных героев, Катя, занимается скупкой антиквариата. По работе она оказалась в доме одинокой старухи. В ходе разговора девушка узнает, что у старухи есть дача, которую та отказывается сдавать: *Раньше эта дача была центром жизни: съезжалась большая семья, горел камин, пахло пирогом… Прошлое ушло под воду, как* ***Атлантида*** («Стрелец» (с. 134)). *Атлантида* ушла под воду – исчезла, так же, как и жизнь в дачном доме, оставив после себя лишь память о прошлом в

душе старухи: *Все утонет, как* ***Атлантида,*** *– молодость, красота, ожидание счастья, само счастье – все, все…* («Стрелец» (с. 134)). В данной повести прецедентное имя собственное *Атлантида* является символом прошлого, в котором старуха и ее семья были счастливы.

Таким образом, обращение В. Токаревой к прецедентным именам собственным-топонимам позволяет точно передать состояния героев, описать обстановку, в которой протекает их жизнь, а также помогает читателю понять идею произведения.

Прецедентные имена собственные, становясь элементами композиции, обращают внимание читателя на параллели, связывающие данное художественное произведение с уже известными ранее произведениями искусства, людьми и др., помогают понять идею текста, особенности характеров, состояний и поступков героев. Например, в повести «Стрелец» прецедентные имена собственные являются главными элементами, в том числе и сюжетными, которые помогают составить цельный образ главных героев. Костя, бывший инженер, оказался безработным, когда к власти пришли демократы. Он был недоволен своим бедственным положением, однако трудится там, где есть место: ему не хотелось оббивать двери дерматином, такая работа ему *«не по душе*», работать руками «*не для него*» и т.п. Он хотел, чтобы работа сочетала в себе удовольствие и деньги: *Люди под этим знаком любят срывать цветы удовольствия и не превращать жизнь в вечную борьбу, как* ***Николай Островский*** («Стрелец» (с. 125)). Обращаясь к прецедентному имени собственному *Островский*, писательница подчёркивает, что работа для Кости, которая не приносит удовольствия – денег, – это надругательство над самим собой. По его мнению, он всегда достоин лучшего. Поэтому в данной повести прецедентное имя собственное *Николай Островский* выступает как символ вечной борьбы человека с самим собой в сложившихся условиях. Чтобы создать полноценный образ своего героя, В. Токарева использует и другие прецедентные имена собственные: *Билл Гейтс*, *принц Чарльз и Штирлиц*. Употребляя прецедентное имя *принц*

*Чарльз***,** автор подчеркивает его нерадивость, лень и детский взгляд на мир: *Не королем, потому то у короля тысяча дел и обязанностей. А именно наследником престола, как* ***принц Чарльз*** («Стрелец» (с. 126)). Употребляя имя американского предпринимателя *Билла Гейтса*, писательница подчеркивает желание Кости иметь работу, которая приносила бы герою удовольствие: *Хорошо, конечно, иметь и быть. Как* ***Билл Гейтс****, который зарабатывал любимым делом* («Стрелец» (с. 128)). Прецедентное имя собственное *Штирлиц* акцентирует внимание на таких чертах характера героя, как скрытность: *Костя пел с ними, но не в слух, а внутренне, как* ***Штирлиц****. Петь громко… он стеснялся, поскольку шофер – это обслуга* («Стрелец» (с. 128)). Кроме того, в повести В. Токарева использует имя российского ювелира *Фаберже*. Автор обращается к типу современных девушек, представителем которых является главная героиня Катя. Писательница называет их «сапёрными лопатами» в «тонком футляре»: *В красивый тонкий футляр заключён чёткий, отлаженный инструмент. Не скрипка. Скорее, саперная лопата, выполненная* ***Фаберже*** («Стрелец» (с. 136)). У нее в жизни все четко: «поставила задачу – выполняй». Такие девушки, как Катя, по мнению автора, красивы снаружи, однако внутри – это механизм, который не способен на что-то более, чем как выполнять поставленные ими же задачи. Показывая читателю взаимоотношения Кости и Кати, автор использует имена литературных архетипов *Анна Каренина и Вронский*: *В отношениях с Катей он был* ***Анной****, а она* ***Вронским****.* ***Анна*** *ревновала* ***Вронского*** *к княжне Сорокиной. А Костя – к Александру* («Стрелец» (с. 197)). Костя испытал давно забытое чувство, когда познакомился с Катей. Однако Катя не могла «любить каждую минуту», любовь для нее – это «фон», на котором протекает жизнь, увлечение, которое обязательно проходит. «Механизм», который скрывается внутри нее, не может дать большего: мужа она любит из-за благополучия, Костю – из-за увлечения. Однако для Кости любовь – это все: и «фон», и «содержание». Он любил Катю всем телом, душой, оставил семью с ребёнком. Поэтому в

данном случае прецедентные имена собственные *Анна и Вронский* являются отражением внутренних отношений между главными героями: разными чувствами друг к другу.

В повести «Свинячья победа» прецедентные имена собственные являются компонентами, которые выражают мироощущения, душевные состояния главных героев: неуверенность, нереализованность, мучение, любовь. В данной повести В. Токарева использует имя *Саскии ван Эйленбюрх,* жены голландского художника Рембрандта Харменса ван Рейна. Главная героиня Виктория Поросенкова по натуре добрый, отзывчивый и открытый человек. Однако внешность девушки доставляла ей неудобства, она недовольна своими рыжими ресницами, волосами и десятком килограммов лишнего веса: *«Тонкая талия, пышный зад, нежная кожа – копия* ***Саскии Рембрандта****»* («Свинячья победа» (с. 91)). Современные мужчины, которые привлекали Викторию, на героиню не обращали внимания, а знаки базарных турок её угнетали. В данном случае, употребляя имя *Саския* как прецедентное имя собственное, писательница хочет подчеркнуть неуверенность героини в себе, обозначить причину неустроенной жизни. Чтобы подчеркнуть талант Виктории, писательница использует имя испанской оперной певицы *Монтсеррат Кабалье***.** Девушка обладает чудесным голосом и поет так, как будто «*ангелы слетели с неба и пели в унисон»,* однако Виктория работает на птицефабрике, потому что *«эстрадная певица должна сочетать в себе секс-символ с вокальными данными»*. В данном случае прецедентное имя *Монтсеррат Кабалье* подчеркивает одаренность героини в музыкальной сфере, ее вокальные способности: *Безголосые поют на всю страну,* ***Монтсеррат Кабалье*** *поет курам* («Свинячья победа» (с. 104)). В повести прецедентные имена *Саския* и *Монтсеррат Кабалье* выступают как символ нереализованности героини в своей жизни. Виктория была влюблена во Владимира Петрова, известного диктора с телевиденья. Любовь была безответная, потому что девушка боготворила «молча». Случайным образом она узнает о том, что «любовь

всей ее жизни» женится на молодой актрисе Саше Коноваловой, которая, по словам самого героя, ему не подходит. В день свадьбы «влюбленные» выглядели торжественно, как подобает. Однако главный герой не был рад этому событию: *Выражение лица как у* ***Джордано Бруно,*** *идущего на костер. На костер счастья? Мучений?* («Свинячья победа» (с.97)). В повести автор использует имя итальянского философа, монаха *Джордано Бруно*, образ которого закрепился как образ мученика науки. В данном случае под словом «костер» писательница подразумевает дальнейшую жизнь героя, а прецедентное имя собственное *Джордано Бруно* является символом муки, на которую Владимир хочет себя обрести: жизнь с девушкой, с которой он не хочет быть. Однако и с Викторией он быть не может: *Ты мне нравишься. Ты смешная. Но я тебя не люблю.* Спустя время обстоятельства сближают героев: сорванная свадьба, работа нянькой для его больной дочери Лизы. В один из дней Владимир увидел совершенно другую Викторию: *Эта девушка оттуда, из времен* ***Рафаэля*** *и* ***Рембрандта****, случайно залетела в двадцать первый век и застряла на птицефабрике* («Свинячья победа» (с. 124)). Он влюбился в ту несовершенную красоту, в девушку-«бриллиант», которая считает себя «стекляшкой». В данном случае В. Токарева использует имена художников *Рафаэля и Рембрандта* как символы эпохи XV-XVI столетия, когда именно такая неотточенная красота являлась женским идеалом.

В повести «Лавина» В. С. Токарева употребляет имена писателей, философов *Ф. М. Достоевского* и *Ф. Ницше*, противопоставляя их друг другу. Главный герой пианист Месяцев никак не может решить: остаться ему с женой или уйти к любовнице. Месяцев любил жену, семью, однако не мог жить без Люли. Его женщины были совершенно противоположены друг другу: Ирина – преданная, скромная, Люля – передовая, современная девушка. Герой любил жену, однако к любовнице он испытывал страсть, «лавину» чувств. Вскоре новая возлюбленная потребовала сделать выбор: – *Значит, так: или* ***Достоевский****, или* ***Ницше****, – спокойно сказала Люля…*

Достоевский *носился со слезой ребенка, а* ***Ницше*** *считал, что в борьбе побеждает сильнейший. Как в спорте. А проигравший должен отойти в сторону* («Лавина» (с. 315)). В данном случае прецедентное имя собственное ***Достоевский*** является символом человечности, гуманного отношения к людям. Предлагая выбрать *Достоевского*, Люля подразумевает семью героя: убитую предательством жену, несчастную дочь и больного сына-наркомана. Употребляя образ «слеза ребенка», автор старается показать читателю, насколько герою трудно в выборе пути. Образ символизирует страдания невинных людей, в данном случае семьи Месяцева. Прецедентное имя *Ницше* символизирует собой человека, умеющего побеждать, быть лучшим и выбирать лучшее. Люля считала себя такой, поэтому предложила Месяцеву быть с ней. Герой, предпочитая страсть, не подозревал, какую «месть» ему приготовила жизнь – смерть горячо любимого сына в качестве наказания за страдания близких ему людей.

На мой взгляд, выбор Месяцева был очевиден. В начале повести В. Токарева использует имя государственного деятеля *М. С. Горбачёва,* с которым сравнивает жену Иру: *Она любила трепаться… купалась в своем голосовом журчанье. Как бывший президент* ***Горбачёв*** («Лавина» (с. 276)). Месяцев испытывал к жене тёплые чувства, любовь: заботился о ней, привозил с гастролей дорогие подарки и т.п. Чуть позже мы видим в повести размышления героя о *Горбачёве* как о человеке, безвозвратно ушедшем в прошлое: *Месяцев испытывал к бывшему президенту тёплые чувства… понял, что время* ***Горбачёва*** *ушло безвозвратно* («Лавина» (с. 276)). Прецедентное имя ***Горбачёв*** является символом прошлого, символом прошедшей любви Месяцева и его жены. Ирина осталась для героя в прошлом, теперь он «сверхчеловек» *Ницше*. Смерть единственного сына не примирила их союз: *Дома были раскинуты столы. Люля всё организовала. А у Ирины в доме – стол для её гостей… Некоторые отошли к Ирине и разделили её горе. Большая часть пошла к Игорю и села за его стол* («Лавина» (с. 323)). Таким образом, данные прецедентные имена

собственные *Достоевский* и *Ницше* выражают противоположенные грани личного нравственного выбора героя, а прецедентное имя собственное *Горбачёв*, символизируя прошедшие чувства, объясняет выбор героя.

В повести «Северный приют» В. Токарева использует имя *Мцыри* из одноименной поэмы и имя поэта *М. Ю. Лермонтова*. Главный герой Алексей Коржиков хочет уйти от жены к любовнице Нинке, однако никак не может на это решиться. У героя обнаруживают неизлечимую болезнь – ген обреченности, и в качестве лечения врач советуют сменить обстановку. Воспользовавшись ситуацией, Алексей под предлогом командировки переезжает к любовнице. Погруженный в свои мысли, Коржиков не обращается внимания на воспоминания Нинки: *Ты мой первый и единственный… Мой* ***Мцыри****, мой* ***Лермонтов*** («Северный приют» (с. 177)). В данном случае прецедентное имя *Мцыри* является символом свободы. Алексей так же, как и сам *Мцыри****,*** сбежал от прошлой жизни, из «плена». Теперь, по мнению Нинки, он свободен для новой совместной с ней жизни. Прецедентное имя *Лермонтов* так же является символом свободы, но вкладывая в уста Нинки имя поэта, писательница передает и душевные переживания героя, такие как тоска, уныние, одиночество: *Алексей лежит лицом вверх, безучастный и одинокий, как «труп на шумной тризне»* («Северный приют» (с. 177)). Несмотря на общество любовницы, жены и дочери, Алексей чувствовал себя одиноким и непонятым. Он хотел другой свободы, гармонии, мечтал уехать на Северный приют: природа, горы – «символ очищения людей», воздух «звенит от чистоты». По стечению обстоятельств, именно там, в горах Северного приюта, Алексей Коржиков убит, и теперь навсегда останется там. Таким образом, прецедентные имена собственные *Мцыри* и *Лермонтов* передают желание героя к душевной свободе, гармонии с самим собой.

В рассказе «Зигзаг» В. Токарева использует имя музыканта и композитора *Моцарта* и его произведение «*Лакримоза*» как средство передачи внутреннего состояния своего героя. Младший сотрудник Ирина

Дубровская всю жизнь страдала от душевного одиночества. В ее жизни были мужчины, но с ними она не чувствовала себя счастливой, *«некому было подойти, оттолкнуть это несчастье, а самому стать на его место».* Ненадолго в ее жизни появился мужчина-«волшебник», который помог женщине стать на несколько дней счастливой. В. Токарева показывает состояние Ирины в момент, когда играет «*Лакримоза*» – самое печальное произведение *Моцарта*. С латинского «Lacrima» – слёзы, «mosa» – текущий, и прямой перевод «текущие слезы» означает «грустный», «тягостный», «страдающий»: *Хор запел «**Лакримоза**». И это уже не шестьдесят разных людей пели по нотам. Это тосковал **Моцарт**. Его «божественное Я»* («Зигзаг» (с. 286)). В этот момент Ирина заплакала. Там, возле стен Домского собора, вместе с ее слезами уходила боль, которая не давала девушке покоя, *«слезы становились соленые, а сердце легким»*. Именно в таком состоянии мы видим и героиню, и музыканта, которые сплетаются воедино в лирико-психологическое отступление. Прецедентные имена собственные *Моцарт* и «*Лакримоза*» являются символами освобождения души героини от одиночества.

Используя прецедентное имя собственное *Лермонтов* в рассказе «На черта нам чужие», писательница акцентирует внимание на внутреннем мире главной героини: «*Ей не хотелось быть связанной словом, ожиданием. Душа жаждала свободы и покоя, как у **Лермонтова**»* («На черта нам чужие» (с.272)). Балерина Антипова всю жизнь посвятила искусству. Она была лучшей среди других, потому что жила запретами и ограничениями. В итоге тридцатисемилетняя девушка осталась одна, несчастная и одинокая: закончилась карьера, разрушалась семья и женское счастье. Душа главная героиня так же, как и *Лермонтов*, жаждала свободы, ведь вся ее жизнь – это рамки, строгие правила, от которых нельзя было уклониться. В поисках спокойствия девушка уезжает к морю, где знакомится с композитором и его историей жизни, в которой узнает себя: у *композитора финал, а не кризис. Финал. Его больше нет. Был такой и нет. Может идти на пенсию* («На

черта нам чужие» (с. 273)). Осознав, что время бежит и былое не вернёшь, героиня уединяться с морем, танцуя на берегу и наслаждаясь внутренней свободой: *… в глубоких водах стоял корабль, и капитан корабля видел в подзорную трубу берег и беззвучно вращающуюся фигурку балерины* («На черта нам чужие» (с. 274)). В данном случае прецедентное имя собственное *Лермонтов* является символом реализованности своих желаний.

В рассказе «Паспорт» В. Токарева использует прецедентные имена собственные *Наталья Гончарова* и *Пушкин*. Главная героиня работает редактором на телевидении, ей двадцать девять лет, однако, имея семью – мужа, как она сама признается, не задумывается о будущем. Как свойственно всем творческим личностям, девушка любит мечтать. Она ассоциирует себя с *Натальей Гончаровой**:** Лично я казалась себе умной и обаятельной. Я похожа на **Наталью Гончарову**, только без денег и без Пушкина* («Паспорт» (с. 291)). Сравнивая себя с «идеалом женской красоты», девушка хочет найти своего «совершенного» мужчину: талантливого, под стать себе, такого как *Пушкин*: *Моя мечта: встретить **Пушкина**, варить ему по утрам кофе и не дразнить Дантесом* («Паспорт» (с. 296)). Образ ***Пушкина*** является критерием для оценивания ею мужчин: *Он стоял – нервный и талантливый, но не **Пушкин*** («Паспорт» (с. 300)). Для главной героини союз *Натальи Гончаровой* и *Пушкина* является эталоном взаимоотношений. Таким образом, данные прецедентные имена собственные являются символом мечты девушки, отражают ее внутренний мир.

В повести «Хэппи энд» писательница знакомит читателя с героиней молодой девушкой Элей. Героиня живет в «огородном», маленьком городе, имеет семью – сына и мужа, которого в другие руки «отдавать жалко». Девушка мечтала об иной жизни, круговорот одинакового существования ей наскучил: «*Завтра понедельник. Потом вторник… в субботу печь пироги, в воскресенье есть. И это всё».* Однажды в театре она увидела давно забытого артиста Валерия Мишаткина: *Эля вспомнила стихи **Лермонтова**, но Мишаткин читал их как свои… вбирал **Лермонтова** в себя, и получалось,*

что он и ***Лермонтов*** *– одно и тоже* («Хэппи энд» (с. 379)). Для Эли *Лермонтов* – гений, а если Мишаткин сливался с ним, то тоже становился для нее гением. В данном случае прецедентное имя собственное *Лермонтов* является символом «божественного таланта». Впервые мы видим внешность Эли, когда происходит личная встреча героев: *На пороге стояла молодая блондинка под* ***Мэрилин Монро*** («Хэппи энд» (с. 382)). Употребляя прецедентное имя *Мэрилин Монро*, автор подчеркивает внешние данные девушки. Влюбившись в артиста, героиня уезжает с ним в Москву в надежде, что будет жить как в своих мечтах. Однако ее любовь также приобретает «снисходительный оттенок». Эля отныне не Элеонора Александровна, а жена артиста, живущая в коммуналке с его мамой и соседями-стариками. Девушка начинает «спасать» своего мужа от «лермонтовского комплекса: разлада мечты с действительностью»: находит роль в кино, выбивает вторую комнату в коммуналке, отучает пить. Вернув Мишаткина к нормальной жизни, находит новый объект спасения – врача Ивана. Все в жизни героини снова повторяется: Иван счастлив, а Эля «за бортом». На этом этапе жизни мы видим героиню иначе: *Эля была красивее* ***Аникеевой****. Женский тип тот же, но в Эле доброта. Доброта – тоже внешность. А у* ***Аникеевой*** *зубы в два ряда, как у акулы* («Хэппи энд» (с. 409)). Эля повзрослела, стала самостоятельной и серьезной женщиной, идущей к своим целям. Однако Москва не «сожрала» девушку, она сохранила в себе доброту и стремление жертвовать собой ради любви. Имя белорусского политика ***Аникеева,*** выступая в качестве прецедентного, является символом взросления героини, становление её как личности в обществе. Таким образом, в данной повести прецедентные имена собственные *Мэрилин Монро* и *Аникеева* показывают героиню на разных этапах ее жизни, ее изменения.

Таким образом, прецедентные имена собственные в художественном тексте В. Токаревой выполняют многообразные функции, направленные на создание полноценного образа своего персонажа: узнать героя произведения, передать его состояние, чувства, поведение, поступки, обстановку, создать

внешний облик и понять черты характера, а также помогают понять идею и цель текста.

2. 3. Система упражнений по теме «Прецедентные имена собственные в художественных текстах» (на материале произведений В. Токаревой) в элективном курсе «Филологический анализ художественного текста»

Обучая школьников русскому языку и литературе, мы должны помнить о потребности формирования речевой, языковой, культурной компетенциях, которые важны для успешной коммуникации. Прецедентные имена собственные обладают большим познавательным, образовательным и воспитательным потенциалом, что соответствует потребностям современного школьника.

На сегодняшний день элективные курсы активно взаимодействуют с основным курсом русского языка и литературы. Они позволяют более углубленно изучать отдельные аспекты дисциплин. Элективные занятия расширяют возможности образовательного процесса: изучение тем, не входящих в школьную программу. Изучение прецедентных имён в учебном процессе способствует повышению интереса учащихся к изучению русского языка и литературы.

Система упражнений разработана нами **с целью** пополнения когнитивной базы школьника экстралингвистическими знаниями, устранение пробелов в знаниях учащегося, расширения кругозора. Она может быть использована учителями на элективных занятиях по русскому языку и литературе: ориентирована на средние (9) и старшие классы (10, 11).

Источником прецедентных имён собственных послужили художественные тексты современной писательницы В. Токаревой. Прецедентные имена были отобраны с учетом возрастных и интеллектуальных особенностей учащихся.

Упражнение 1. Прочитайте фрагмент рассказа В. Токаревой «Зигзаг». Почему героиня не смогла сдержать эмоции? Найдите в тексте прецедентные

имена, передающие состояние девушки. При необходимости обратитесь к толковому словарю и другим справочным материалам.

«Днем поехали в Домский собор. Слушали «Реквием» Моцарта. В первой части Ирина отвлекалась, смотрела по сторонам: на Стены Домского собора, на хористов, которые казались ей ровесниками собора, каждому лет по семьсот, и даже молодые, стоящие в сопрано, выглядели так, будто их вытащили из сундука с нафталином. Ирина покосилась на Него, ища в нем признаки заинтересованности – во взгляде, в легком, нечаянном прикосновении. Но ничего такого не было: ни взгляда, ни прикосновения, ни единого признака. Он сидел, откинувшись в деревянном кресле, слушал музыку, и его лицо было обращено куда-то в свое прошлое. Он был далек, непостижим. Ничему и никому не принадлежал.

Ирина слегка удивилась и слегка обиделась. Но вдруг забыла и удивление, и обиду. Хор запел «Лакримоза». И это уже не шестьдесят разных людей пели по нотам. Это тосковал Моцарт. Его «божественное Я». Душа взметнулась и задохнулась. Ирина заплакала. Слезы шли по щекам, и вместе с ними как будто уходила боль из сердца. Поэтому слезы становились соленые, а сердце легким…»

Ключ: В. Токарева показывает состояние Ирины в момент, когда играет «Лакримоза» – самое печальное произведение Моцарта. С латинского «Lacrima» – слёзы, «mosa» – текущий, и прямой перевод «текущие слезы» означает «грустный», «тягостный», «страдающий». В этот момент Ирина заплакала. Там, возле стен Домского собора, вместе с ее слезами уходила душевная боль. Именно в таком состоянии мы видим и героиню, и музыканта, которые сплетаются воедино. Прецедентные имена собственные Моцарт и «Лакримоза» являются символами освобождения души героини от внутренней боли.

Упражнения 2. Сопоставьте прецедентные имена собственные, приведенные в рассказах В. Токаревой, с их дифференцируемым признаком.

1) Лермонтов

2) Анна Каренина

3) Золушка

4) Штирлиц

5) Мэрилин Монро

а) трудолюбие, усердие

б) красота, харизматичность

в) скрытность

г) одиночество, жажда свободы

д) любовь, страсть

Ключ: 1 – Г, 2 – Д, 3 – А, 4 – В, 5 – Б.

Упражнение 3. Прочитайте цитаты из текстов художественных произведений В. Токаревой. Определите дифференцируемые признаки прецедентных имён Лермонтов, Наталья Гончарова, Рембрандт (голландский художник), Джордано Бруно (мыслитель эпохи Возрождения).

1) Ей не хотелось быть связанной словом, ожиданием. Душа жаждала свободы и покоя, как у Лермонтова» («На черта нам чужие»);

2) Лично я казалась себе умной и обаятельной. Я похожа на Наталью Гончарову, только без денег и без Пушкина («Паспорт»);

3) Сейчас тоже есть свои Рембрандты. Но все они по частным коллекциям. Их надо собрать («Стрелец»);

4) Выражение лица как у Джордано Бруно, идущего на костер. На костер счастья? Мучений? («Свинячья победа»).

Ключ: Прецедентные имена собственные обладают своими определяющими дифференцируемыми признаками, которые составляют ядро прецедентного имени и отличают его от других. Прецедентное имя собственное *Лермонтов* обладает таким дифференцируемым признаком как «стремление к свободе», Наталья Гончарова – «милый идеал», Рембрандт – «творец, вершина живописи», Джордано Бруно – «мученик».

Упражнение 4. Найдите в цитатах, приведенных из произведений В. Токаревой, прецедентные имена. Свой ответ аргументируйте.

1) Мишаткин читал их [стихи] как свои… вбирал Лермонтова в себя, и получалось, что он и Лермонтов – одно и тоже («Хэппи энд»);

2) Как говорила Марина Цветаева: Вернуть создателю его билет. Попутешествовала на этом свете и хватит («Своя правда»);

3) Я – Золушка, которая так и не попала на бал. Мои написанные книги – это и есть мои горшки и сковородки («Из жизни миллионеров»);

4) Она сама похожа на иностранку: большеротая, большеглазая, тип Софи Лорен, только нежнее. Её красота не такая агрессивная («Уик-энд»);

5) Чеховская Маша из «Трех сестер» говорила: когда счастье получаешь не полностью, а по кускам, становишься злой и мелочной, как кухарка («Телохранитель»).

Ключ: Прецедентные имена собственные встречаются в предложениях 1, 3, 4, так как имена собственные употреблены не в прямом значении, а являются сопутствующими атрибутами героев, символизирующие талант, трудолюбие, красоту.

Упражнение 5. Прочитайте фрагмент рассказа «Хэппи энд» В. Токаревой. Какой фигурой Мишаткин предстает в глазах девушки? Какую функцию выполняется прецедентное имя?

«Эля вспомнила, что это стихи Лермонтова, но Мишаткин читал их как свои, даже не читал, проговаривал, как будто он только что их сочинил и пробует на слух. Все остальные артисты, которых Эля слышала в своей жизни, читали классику торжественно, будто на цыпочках, делая царственный голос, вибрируя голосом и бровями. А этот вбирал Лермонтова в себя, и получалось, что он и Лермонтов – одно и то же.

В небесах торжественно и чудно!

Спит земля в сиянье голубом…

У Эли замерзла кожа на голове. Как точно. Как собираются простые слова в единственно возможное сочетание. И какой космический размах.

Голубое сияние вокруг Земли увидели космонавты в середине двадцатого века, а Лермонтов за сто лет до того увидел его своим прозрением. Что значит гений».

Ключ: Писательница раскрывает талант Мишаткина через прецедентное имя Лермонтов**.** Эля видит в герое очень талантливого человека, мастера своего дела. Для девушки Лермонтов – гений, а если Мишаткин сливался с ним, то тоже становился для нее гением. В данном случае прецедентное имя собственное Лермонтов является символом «божественного таланта».

Упражнение 6. Назовите известные вам дифференцируемые признаки и атрибуты прецедентных имён собственных, взятых из произведений современной писательницы В. Токаревой.

1) Онегин – …

2) Мцыри – …

3) Мастер – …

Ключ:

1) леность, легкомыслие, праздная жизнь и др.

2) жажда свободы, смелость, сила духа и др.

3) талант, человек без имени, писатель и др.

Упражнение 7. Назовите прецедентные имена собственные, использованные В. Токаревой в следующих цитатах. Определите их функцию.

1) С тех пор прошло пятнадцать лет. Пришел Горбачёв, ушел Горбачёв. Накатило новое время («Телохранитель»);

2) Она похудела, будто вышла из Освенцима. Перед Тишкиным стоял совершенно другой человек («А из нашего окна…»);

3) Все утонет, как Атлантида, - молодость, красота, ожидание счастья, само счастье – все, все… («Стрелец»).

Ключ: В данных цитатах можно выделить несколько прецедентных имени собственных: Горбачёв, Освенцим, Атлантида. Каждое их них

выполняет свою функцию. Прецедентное имя Горбачёв является символом изменений, которые произошли как с людьми, так и в стране вообще за определенный период времени. Прецедентное имя собственно Освенцим, выполняет иную функцию, оно является символом внутренней боли и страдания. Прецедентное имя собственное Атлантида является символом прошлого, в котором были лучшие моменты жизни.

Упражнение 8. Определите прецедентные имена собственные, взятые из произведений В. С. Токаревой, по их дифференцируемым признакам.

1) трудолюбие, усердие

2) одиночество, стремление к свободе

3) любовь, одержимость, ревность

Ключ:

1) Золушка

2) Лермонтов

3) Анна Каренина

Упражнение 9. Какую функцию выполняет прецедентное имя собственное в отрывке, приведенного из повести В. Токаревой «Свинячья победа»? Свой ответ аргументируйте.

– *Первый тост: за нашего Всевышнего… – провозгласил тамада.*

– *За Путина*, что ли?

– *Кто такой Путин? Раб Божий. За Господа Бога, нашего Создателя…* («Свинячья победа»).

Ключ: В данном случае прецедентное имя *Путин* создает комический эффект. Иронизируя, автор указывает на равенство людей, подчеркивая, что не важно, какой у человека чин, перед Господом Богом все «рабы».

Упражнение 10. Найдите прецедентные имена собственные в цитатах, приведенных из произведений В. Токаревой, определите их функцию. Сформулируйте особенности функционирования прецедентных имён собственных.

1) На всех фотографиях была изображена черная девушка, как две капли воды похожая на Софи Лорен в ранней молодости» («Из жизни миллионеров»);

2) На стене висела Танькина фотография в молодости. Танька была похожа на Мэрилин Монро, но лучше. Более строгая, не такая сладкая («Мои враги»);

3) *Она сама похожа на иностранку: большеротая, большеглазая, тип Софи Лорен, только нежнее. Её красота не такая агрессивная* («Уик-энд»).

Ключ: Употребляя прецедентное имя *Софи Лорен*, В. Токарева характеризует героиню рассказа как амбициозную девушку с необычайной красотой, харизматичностью и талантом. Обращаясь к прецедентному имени собственному, писательница использует не все его характеристики в совокупности, а лишь один параметр – внешность. Сравнивая свою героиню с *Мэрилин*, В. Токарева подчеркивает в ней внешние данные и силу характера. В данном случае прецедентное имя *Мэрилин Монро* является символом идеальной красоты. В рассказе «Уик-энд» автор, используя прецедентное имя собственное, относит героиню к определенному типу женщин: стильные, точеные, роскошные, темпераментные красотки – такие, как *Софи Лорен.* Таким образом, прецедентное имя в художественном тексте может функционировать в качестве какого-либо отдельного атрибута (внешность, характер), так и типизировать героев.

Элективный курс «Прецедентные имена собственные в художественных текстах» (на материале произведений В. Токаревой**)** имеет общеобразовательное, воспитательное, развивающее значение. Школьники в процессе обучения учатся находить прецедентные имена собственные, определять их признаки и функцию в художественном тексте. Работа проводится по материалам произведений В. Токаревой, поэтому она не только расширяет и углубляет знания по русскому языку, но и способствует расширению кругозора школьников, воспитанию бережного отношения к языку, к развитию потребности сохранить чистоту языка, развитию

эстетического вкуса, формированию духовно-нравственных качеств личности. Система упражнений приводит к следующим метапредметным результатам: овладение способности проводить сравнение фактов и делать выводы, способность к самооценке и самокоррекции, применение полученных знаний в повседневной жизни.

Выводы по второй главе:

В текстах названных выше художественных произведений писательница использует 78 прецедентных имён собственных (150 словоупотреблений). Преобладают мужские имена, их 56 (111

словоупотреблений – 74%). Женских прецедентных имён 22 (39 словоупотреблений – 26%). В. Токарева обращается к русским именам собственным, их 37 (80 словоупотреблений – 53%), и к зарубежным – 41 (70 словоупотреблений – 43%) (как видим, преобладают зарубежные имена собственные). Среди русских прецедентных имён преобладают мужские имена – 30 (66 словоупотреблений – 82%), женских имён 7 (14 словоупотреблений – 18%). Заимствуя зарубежные имена собственные, автор отдает предпочтение мужским именам собственным (26 единиц, 45 употреблений – 64 %), их почти вдвое больше, чем женских (15 единиц, 25 употреблений – 36%). В ряду данных прецедентных имён мы можем выделить антропонимы (68), библионимы (2) топонимы (6), названия произведений искусства (2).

Среди антропонимов нами было выделено 4 группы: деятели искусства (поэты, писатели, композиторы, актеры, певцы, художники) – 23 имени, архетипы – 14 имён, известные личности – 11 имён, государственные деятели – 10 имён. Частотность употребления прецедентных имён собственных в текстах В. Токаревой показала, что имена из групп «Деятели искусства» и «Политические деятели» являются наиболее употребляемыми в произведениях писательницы.

Среди прецедентных имён собственных выделяются однокомпонентные (57) и многокомпонентные (21) имена, свободные (73) и несвободные (5). С точки зрения развития языка разграничены активные (41) и пассивные (37) прецедентные имена собственные.

Согласно классификации В. В. Красных, исследуемые прецедентные имена собственные можно распределить по следующим группам:

1) социумно-прецедентные феномены, то есть не зависящие от национальной культуры (38 прецедентных имён);

2) национально-прецедентные феномены, то есть известные любому представителю национально-лингвокультурного сообщества, а также входящие в его национальную когнитивную базу (21 прецедентное имя);

3) универсально-прецедентные феномены, известные всем и входящие в универсальную когнитивную базу (37 прецедентных имён).

Группы социумно-значимых и универсально-прецедентных феноменов преобладают. Это означает, что В. Токарева ориентирует свои произведения на широкие массы, то есть писательница использует те прецедентные имена, которые известны любому носителю языка той или иной национально-культурной общности.

В ходе анализа прецедентных имён собственных было выявлено 7 групп, семантическая структура которых помогает раскрыть особенности функционирования прецедентных имён собственных в художественном тексте писательницы:

1) имена, подчеркивающие отдельные атрибуты, – 48 (76 словоупотреблений – 51%);

2) имена, заключающие в себе абстрактные понятия, – 14 (46 словоупотреблений – 29%);

3) имена, служащие для передачи состояния героев, – 7 (13 словоупотреблений – 8%);

4)имена, отражающие эпоху/время, – 4 (6 словоупотреблений – 6%);

5) имена, представляющие типаж героя, – 4 (4 словоупотребления – 4%);

6) имена, использующиеся в качестве иронии, – 1 (1 словоупотребление – 2%).

Прецедентные имена собственные могут выступать как в качестве элементов композиции, так и в качестве имён-символов, обращая внимание читателя на параллели, связывающие данный текст с уже известными произведениями, людьми, героями; они помогают понять его идею, создать полноценный образ своего персонажа: передать его состояние, чувства, поведение, поступки, обстановку, создать внутренний облик и понять черты характера.

Заключение

Когнитивные подходы к рассмотрению языковых явлений осуществляются как на вербально-семантическом, так и на уровне языкового

сознания. Поэтому рассмотрение языковых единиц, ведущих к раскрытию и описанию когнитивной базы, которые являются одновременно как единицами языковой системы, так и единицами национально-лингвокультурного сознания, выходит на первый план. В современной лингвистике такими единицами являются прецедентные имена.

Рассмотрение теоретического материала исследования и анализ языкового материала показали, что имя собственное переходит в прецедентное имя за счёт изменения компонентов значения в инвариант восприятия личности того или иного национально-лингвокультурного сообщества.

В проведенном исследовании прецедентные имена рассматриваются в художественном тексте всесторонне: семантика имени собственного, его репрезентация, функционирование в тексте не только с лингвистической точки зрения, но и с культурной и литературоведческой, то есть не только как отдельную языковую единицу, а как определенный образ-символ, элемент композиции или образа персонажа.

В данной работе проанализировано 78 прецедентных имён (150 словоупотреблений): антропонимы (68), библионимы (2), топонимы (6), названия произведений искусства (2). Были выявлены группы прецедентных имён, особенности функционирования прецедентных имён собственных. На основании проделанного исследования можно сделать вывод, что функция прецедентного имени собственного обусловливается его специфической семантикой в тексте произведений В. С. Токаревой.

К особенностям использования прецедентных имён собственных относится их функционирование в текстах В. Токаревой в качестве имён-символов, элементов композиции, атрибутов, дополняющих образы героев, которые обращают внимание читателя на параллели, связывающие данный текст с уже известными произведениями, людьми, героями, и помогают понять его идею, создать полноценный образ персонажа.

Отбор, изучение и анализ языкового материала показал, что прецедентные имена можно классифицировать по разным признакам: структурно-семантической характеристике, с точки зрения развития языка, социальной значимости, сферы-источника. Однако основной можно считать классификацию по семантической структуре, так как именно она помогает раскрыть особенности функционирования прецедентных имён собственных в художественном тексте писательницы. В ходе исследования были выявлены следующие функции прецедентных имён собственных в текстах произведений В. С. Токаревой: заключение в себе абстрактного понятия, атрибутов персонажей, выражение состояния действующих лиц, отражение эпохи/ времени, типажа героев, быть средством иронии. Таким образом, исследование функционирования прецедентных имён собственных в художественных текстах современных писателей может выявить особенности их употребления, которые отражаются в описании характеристик прецедентности имени собственного.

Представленные классификации прецедентных имён собственных, функционирующих в текстах произведений В. С. Токаревой, могут быть использованы учителями на уроках русского языка и литературы, элективных курсах, семинарах, внеклассных занятиях. Изучение прецедентных имён собственных, их особенностей функционирования на материале текстов современной писательницы В. С. Токаревой позволит школьникам разобраться в содержании произведения, глубже понять образы героев, из чувства и поступки.

Приведённые в тексте данной работы прецедентные имена собственные могут быть использованы школьниками в качестве имён-символов в речевой коммуникации, а также средством расширения кругозора учащихся на уроках русского языка и литературы, элективных курсах, семинарах, внеклассных занятиях.

Данная работа открывает перспективы для дальнейшего изучения и анализа особенностей функционирования прецедентных имён собственных

на материале текстов произведений других современных писателей. Полученные в ходе исследования результаты можно применять в лекционных курсах по лингвистике и лингвокультурологии, а также при дальнейшем лингвокультурологическом анализе текстов произведений В. С. Токаревой.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.

2. Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. – М.: Филология, 1997. – № 3. – С. 62-85.

3. Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. – М.: Филология, 1997. – № 1. – С. 14-32.

4. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

5. Будаев Э. В. Метафора в политическом интердискурсу. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2006. – 208 с.

6. Блох М. Я. Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике / М. Я. Блох, Т. Н. Семенова. – М.: Готика, 2001. – 192 с.

7. Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 223 с.

8. Гришаева Л. И. Прецедентный текст как универсальное средство передачи и хранения культурной информации // Политическая лингвистика/ отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 24. – С. 118-123.

9. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

10. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 407с.

11. Дымарский М. Я. Прецедентность и художественность // Феномен прецедентности и преемственности культур / под. общ. ред.: Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т.Титова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – С. 51-63.

12. Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. – М.: Валент, 2005. – 416 с.

13. Захаренко И. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. – М.: Прогресс, 1997. – Вып. 1. – 92 с.

14. Зиновьева Е. И. Лингвокультурология. – СПб.: «Осипов», 2006. – 260 с.

15. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов, Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1987. – 261 с.

16. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / Акад. наук СССР. – М.: Наука, 1965. – 417 с.

17. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 316 с.

18. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

19. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

20. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал.гос. пед. ун-т», 2011. – 276 с.

21. Наумова Е. О. Прецедентные тексты как инструмент креативности в современной публицистике: монография / Е. О. Наумова. – М.: МГУП, 2007. – 172 с.

22. Петрова Е. С. Метафора и метонимия антропонимов: градуальность и конвергенция // Метафоры языка и метафоры в языке. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 263 с.

23. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

24. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 224 с.

25. Ратникова И. Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой. – Минск: БГУ, 2003. – 214 с.

26. Сергеева Г. Г. Аспекты функционирования прецедентных имён в молодежной среде // Филологические науки. – М.: Парадигма, 2003. – № 2. – С. 152.

27. Сергеева Г. Г. Прецедентные имена и понимание их в молодежной среде (школьники 10-11 класса): автореф. дис. канд. филол. наук: Г. Г. Сергеева. – М., 2005. – 25 с.

28. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. – М.: Прогресс. Изд. группа «Универс», 1993. – 654 с.

29. Сирак В. А. Язык как средство межкультурной коммуникации // Диалог культур – 2009: поиск общих целей и ценностей. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 370-372

30. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 172 с.

31. Супрун В. И Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

32. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. М.: Наука, 1973. – 257 с.

33. Суперанская А. В. Теоретические проблемы ономастики: автореферат дис. д-ра фил. наук: А. В. Суперанская. – Л., 1974. – 48 с.

34. Тарасов Е. Ф. Введение //Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: ИЯ РАН, 1993. – С. 6-15.

35. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.

36. Флейшер Е. А. Основы прецедентности имени собственного: дис. к.ф.н., доц.: Е. А. Флешер. – СПб., 2014. – 180 с.

37. Фонякова О. И. Имя Собственное в художественном тексте. – Л.: ЛГУ, 1990. – 103 с.

38. Формановская Н. И. Имя человека в аспекте «Язык и культура» // Слово и текст в диалоге культур. – М.: Флинта, 2000. – С. 279-293.

39. Хазагеров Т. Г. Общая риторика: Словарь риторических приемов / Т. Г. Хазгеров, Л. С. Ширина. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 320 с.

40. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

41. Юрков Е. Е. Мир русской природы в аспекте лингвокультурологии / Е. Е. Юрков, У. Хао. – СПб.: Осипов, 2006. – 208 с.

Словари

42. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имён. – М.: ООО «А Темп», 2006. – 440 с.

Источники языкового материала

43. Токарева В. С. Из жизни миллионеров: Сб. повестей и рассказов / В. С. Токарева. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 622, [2] с.

44. Токарева В. С. Мои враги: [сб.] / Виктория Токарева. – М.: АСТ МОСКВА, 2008. – 317, [3] с.

45. Токарева В. С. Террор любовью: [повесть и рассказы] / В. Токарева. – Москва: АСТ, 2014. – 320 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Контексты произведений В. С. Токаревой, содержащие прецедентные имена собственные

1) Слова были жалкие, не что у **Лермонтова** *(«Хэппи энд»)*

2) Ты мой первый и единственный… Мой **Мцыри**, мой **Лермонтов** («Северный приют»*)*

3) «Ей не хотелось быть связанной словом, ожиданием. Душа жаждала свободы и покоя, как у **Лермонтова**» *(«На черта нам чужие»)*

4) Эля вспомнила стихи **Лермонтова**, но Мишаткин читал их как свои… вбирал **Лермонтова** в себя, и получалось, что он и **Лермонтов** – одно и тоже *(«Хэппи энд»)*

5) Значит, так: или **Достоевский**, или **Ницше,** – спокойно сказала Люля … **Достоевский** носился со слезой ребенка, а **Ницше** считал, что в борьбе побеждает сильнейший. Как в спорте. А проигравший должен отойти в сторону *(«Лавина»)*

6) Лилек была влюблена в **Чехова**, а Женька в **Достоевского** *(«Розовые розы»)*

7) Лично я казалась себе умной и обаятельной. Я похожа на **Наталью Гончарову**, только без денег и без Пушкина *(«Паспорт»))*

8) Он стоял – нервный и талантливый, но не **Пушкин** *(«Паспорт»)*

9) Люди под этим знаком любят срывать цветы удовольствия и не превращать жизнь в вечную борьбу, как **Николай Островский** *(«Стрелец»)*

10) А могла бы сломать бедро и отправиться на долеживание, как **Лилия Брик**… *(«Телохранитель»)*

11) Старуха, похожая на **Моцарта**, навещала дочь, которая работала в администрации *(«Телохранитель»)*

12) Хор запел «**Лакримоза**». И это уже не шестьдесят разных людей пели по нотам. Это тосковал **Моцарт**. Его «божественное Я» *(«Зигзаг»)*

13) Не рассчитывал интонацией, не сообща собственных переживаний. Только точность. Только **Чайковский** *(«Лавина»)*

14) Хоть на обложку журнала. Вылитая **Орнелла Мути**, только моложе» *(«За рекой, за лесом»)*

15) На всех фотографиях была изображена черная девушка, как две капли воды похожая на **Софи Лорен** в ранней молодости» *(«Из жизни миллионеров»)*

16) Она сама похожа на иностранку: большеротая, большеглазая, тип **Софи Лорен**, только нежнее. Её красота не такая агрессивная *(«Уик-энд»)*

17) На стене висела Танькина фотография в молодости. Танька была похожа на **Мэрилин Монро**, но лучше. Более строгая, не такая сладкая *(«Мои враги»)*

18) На пороге стояла молодая блондинка под Мэрилин Монро *(«Хэппи энд»)*

19) Она никому ничего не должна. Ей все должны. За что? За то, что она – **Мерлин Монро**? *(«Мои враги»)*

20) Очень ничего. На **Габена** похожи *(«Северный приют»)*

21) Наташа поэт вместе с **Челентано**. У них вместе это прекрасно получается *(«Северный приют»)*

22) Какой он весь **Бельмондо** «а-ля рюсс» *(«Хэппи энд»)*

23) За рулем сидел парень, похожий на красивую гориллу. Как актер **Шварценеггер**… *(«Стрелец»)*

24) ...при этом я увлеклась по-детски искренне и вместе с тем порочно-женственно, как **Марина Влади**, но на милиционера это не произвело никакого впечатления *(«Паспорт»)*

25) Безголосые поют на всю страну, **Монтсеррат Кабалье** поет курам *(«Свинячья победа»)*

26) Он мучительно кого-то напоминал. **Шарль Азнавура** – вот кого, понял Костя *(«Стрелец»)*

27) Красавиц Плейбой, как молодой **Кеннеди**, хотя его больше нет. Как **Майкл Джексон**, хотя **Майкл** – не мужчина, а существо совершенное двигательное устройство *(«Стрелец»)*

28) Она была похожа на французскую певицу **Мирей Матье,** но похуже – без успеха и без нарядов *(«Коррида»)*

29) Прическа под **Брижит Бардо**. Мода двадцатилетней давности *(«Телохранитель»)*

30) Эта девушка оттуда, из времен **Рафаэля** и **Рембрандта**, случайно залетела в двадцать первый век и застряла на *птицефабрики («Свинячья победа»)*

31) Сейчас тоже есть свои **Рембрандты**. Но их надо отыскать *(«Стрелец»)*

32) Кому охота смотреть на чужое старое лицо, если это не **Рембрандт,** конечно… *(«Стрелец»)*

33) Костя пес с ними, но не в слух, а внутренне, как **Штирлиц**. Петь громко… он стеснялся, поскольку шофер – это обслуга *(«Стрелец»)*

34) В отношениях с Катей он был **Анной**, а она **Вронским. Анна** ревновала **Вронского** к княжне Сорокиной. А Костя – к Александру *(«Стрелец»)*

35) Ты такой красивый Алеша! Как **Мцыри**! *(«Северный приют»)*

36) «Я – **Золушка**, которая так и не попала на бал. Мои написанные книги – это и есть мои горшки и сковородки» *(«Из жизни миллионеров»)*

37) **Аэлита** посмотрела на Дюка взглядом, исполненным решимости бороться, как солдат на передовой. До победного конца *(«Ни сыну, ни жене, ни брату»)*

38) Этот мир ужасен, – подумал **Кандид.** – Вольтер прав… *(«Этот лучший из миров»)*

39) В этой шали ты как **Азучена**» *(«Мои враги»)*

40) Он был большим ребенком, доверчивым, по-детски жадным, по-детски любопытным. Он был ее ребенком. А еще он был ее **Мастером.** И только с ним она была ТАЛАНТИВА *(«За рекой, за лесом»)*

41) Охранник оглядывал их, как верный **Руслан** *(«Свинячья победа»)*

42) Костя – лишний человек. Как **Онегин** в свое время… *(«Стрелец»)*

43) Изысканный хрупкий мальчик, похожий на **жениха Дюймовочки** *(«Хэппи энд»)*

44) Сидела за столом, поглядывала, как **княжна Мэри** *(«Лавина»)*

45) Не скрипка. Скорее, саперная лопата, выполненная **Фаберже** *(«Стрелец»)*

46) «Тонкая талия, пышный зад, нежная кожа – копия **Саскии Рембрандта**» *(«Свинячья победа»)*

47) Выражение лица как у **Джордано Бруно,** идущего на костер. На костер счастья? Мучений? *(«Свинячья победа»)*

48) Лично я казалась себе умной и обаятельной. Я похожа на **Наталью Гончарову**, только без денег и без Пушкина *(«Паспорт»)*

49) Я – красивая женщина. Почти красавица. **Наталья Гончарова** *(«Здравствуйте»)*

50) Из психушки сбежал... Там они все **Наполеоны и Бонапарты** *(«Этот лучший из миров»)*

51) Гордая красавица, как **шахиня Сорейя**, которая принесла мир в шестидесятые годы *(«Лавина»)*

52) Выросли внуки **Павлика Морозова**. Их научили отрекаться от родителей, затаптывать корни… *(«Я есть. Ты есть Он есть»)*

53) Сегодняшний **Вершинин** выходит в отставку, Армию сокращают. **Тузенбахи** вывелись как класс. Исчезло благородное образованное офицерство. **Сталин** ликвидировал *(«Я есть. Ты есть. Он есть»)*

54) Я заметила: носители нравственности, как правильно порочные типы. Как Фрейд, например *(«Казино»)*

55) Хорошо, конечно, иметь и быть. Как **Билл Гейтс**, который зарабатывал любимым делом *(«Стрелец»)*

56) Не королем, потому то у короля тысяча дел и обязанностей. А именно наследником престола, как **принц Чарльз** *(«Стрелец»)*

57) С тех пор прошло пятнадцать лет. Пришел **Горбачёв**, ушел **Горбачёв**. Накатило новое время («*Телохранитель»)*

58) Она любила трепаться… купалась в своем голосовом журчанье. Как бывший президент **Горбачёв** *(«Лавина»)*

59) Месяцев испытывал к бывшему президенту тёплые чувства… понял, что время **Горбачёва** ушло безвозвратно *(«Лавина»)*

60) На ферме существовал и мозговой центр, где трудились ученные-селекционеры. Создавали наиболее качественную породу. Кажется, **Гитлер** хотел создать наиболее качественную породу людей *(«Свинячья победа»)*

61) – Первый тост: за нашего Всевышнего… - провозгласил тамада.

– За **Путина**, что ли?

– Кто такой **Путин**? Раб Божий. За Господа Бога, нашего Создателя… *(«Свинячья победа»)*

62) Эля была красивее **Аникеевой**. Женский тип тот же, но в Эле доброта. Доброта – тоже внешность. А у **Аникеевой** зубы в два ряда, как у акулы *(«Хэппи энд»)*

63) Верхняя века была прямая, как у **Ленина** *(«Стрелец»)*

64) И в сорок восемь лет – тюфяк тюфяком. Вот **Билл Клинтон** – занят не меньше *(«Лавина»)*

65) Вкалывает, как зверь…. Как при **Сталине**, так и **Брежневе** *(«Северный приют»)*

66) Эта сиротка, судя по фотографиям, была ростом под два метра, волосы коротко стрижены и зачесаны назад, как у **Сталина** *(«Хэппи энд»)*

67) Старуха оказалась настырная, но симпатичная. Просто она была любопытная, как **жена Лота** *(«А из нашего окна…»)*

68) Она сказала, что я вымру, а теперь выясняется, что я буду жить пять сот лет, как **Вечный Жид** *(«Северный приют»)*

69) Что бы не путаться, одному оставили – как было, а другому дали прозвище **Анчар** *(«Хэппи энд»)*

70) Иван простер над ней руку, как **Медный Всадник** *(«Хэппи энд»)*

71) – **Тауэр** – это английская тюрьма. Там королева Елизавета Стюарт сидела.

– А ты откуда знаешь?

– Это все знают *(«Ни сыну, ни жене, ни брату»)*

72) Она похудела, будто вышла из **Освенцима**. Перед Тишкиным стоял совершенно другой человек *(«А из нашего окна…»)*

73) У нас здесь очень хорошо, – хмуро подтвердила Раиса. – Просто замечательно. **Монте-Карло**. Рулетка *(«Ничего особенного»)*

74) Корольков стал вдруг замечать: что-то обаятельное происходит в мире. Например, небо за окном, космическое, как на **Байконуре**… Он мог подолгу стоять и смотреть в небо, потрясаюсь малостью и величием человека *(«Ничего особенного»)*

75) Он просто шёл по коридору своей походкой, ставшей за сорок пять лет привычной, просто встречал молоденькую редакторшу, похожую на **жену Пушкина** («*Здравствуйте»*)

76) Уставшие лица похожи на исплаканные. Исплаканная **Натали Гончарова.** Таких сейчас не делают. *(«Здравствуйте»*)

77) Понаровский – не **Чаплин**, однако вдовец с трехкомнатной квартирой («*Террор любовью*»)

78) Наиля работала в модельном бизнесе. Создала свою коллекция, как **Коко Шанель** (*«Казино»*)

79) Если бы маму и Машу перемешать в одном котле, а потом из них двоих сделать нового человека – получилась бы эта женщина с голубым от холода лицом. Как **Аэлита** (*«Ни сыну, ни жене, ни брату»*)

80) Близость с Ирадой, конечно же, не получилась. Но не дуэт. Не **Моцарт**. Так... собачий вальс (*«Своя правда»*)

81) Леня стал народным героем, как **Чапаев** (*«Своя правда»*)

82) Два круга вращались один подле другого, потом один в другом. Просто **ансамбль Моисеева** (*«Свинячья победа»*)

83) Костя стоял голый, как **Адам** в первый день творенья. Он поднял лицо к небу и проговорил:

– Господи, Отче наш... (*«Стрелец»*)

85) Ирина сидела за столиком в черно-белом одеянии: дорогая блуза с венецианскими кружевами, длинная юбка из тяжелого шелка. Величественная и возрастная, как **царица Екатерина**, только без парика и власти (*«Лавина»*)

86) Она растолстела на двадцать килограмм, перестала красить волосы. Стала седая и толстая – опустившаяся **Софи Лорен** (*«Уик-энд»*)

87) Он был несвободен от нее, как **Достоевский** от **Аполлинарии Сусловой** (*«Розовые розы»*)

88) Все равно на кого он похож, хоть на **Гитлера** (*«Хэппи энд»*)